

О НОВОЙ МОДЕЛИ АДАПТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Катков Александр Лазаревич, доктор медицинских наук, Ректор Международного института социальной психотерапии, вице-президент ОППЛ. Санкт-Петербург Россия.

Аннотация. В статье рассматривается традиционное понимание адаптивной функции интеллекта, обоснованное в трудах Ж.Пиаже, Г.Култона и многих других авторов. Даются исчерпывающие представления о принципиально новых подходах к пониманию адаптивно-интеллектуальной функции, разработанных в контексте общей теории психотерапии. Приводится краткое и развернутое определение новой модели адаптивного интеллекта. Обсуждаются эвристические следствия данной модели в психотерапии, в частности в мета-модели социальной психотерапии, в сфере деятельности научных и религиозных институтов, а также в сфере научной этики. Делаются выводы о состоятельности и перспективности использования данной модели в науке и практике.

Ключевые слова: адаптация, самоорганизация, интеллект, социальная психотерапия.

О терминах

Обозначение «новая модель» применительно к термину «адаптивный интеллект» используется нами по следующим причинам.

Первое научное описание психологической модели адаптивного интеллекта было сделано выдающимся швейцарским психологом-исследователем Жаном Пиаже в середине прошлого века. Согласно Пиаже: «Интеллект является наиболее необходимым и эффективным орудием во взаимодействиях субъекта с окружающим миром, самым совершенным из всех адаптационных механизмов» (Ж. Пиаже, цит. по изд. 2004).

В начале 2000-х известным специалистом в области психологии управления Гари Култоном и его сотрудниками была разработана бизнес-модель адаптивного интеллекта. Определение «адаптивный интеллект» понимается здесь как сложная, многоуровневая система, которая состоит из четырех способностей человека: ценностей, способности поддерживать эмоциональную стабильность в условиях изменений и неопределенности, интеллектуальной гибкости и специальных коммуникативных навыков. Данная модель получила широкое распространение в деловых кругах Запада.

Настоящая концептуальная версия адаптивного интеллекта изучалась в ходе реализации Базисной научно-исследовательской программы (2001-2020 гг.), нацеленной на разработку общей теории психотерапии. В соответствии с известным логическим правилом относительно того, что не следует множить сущности без необходимости, а также с учетом полученных здесь научных аргументов в пользу обновленного понимания рассматриваемого психологического концепта, нами было принято решение об использовании наиболее адекватного в данном случае термина «новая модель адаптивного интеллекта».

Зачем нужна новая модель адаптивного интеллекта?

Необходимость разработки обновленной модели адаптивного интеллекта в первую очередь связана с поиском новых решений — а значит, и новой рациональности, и стилей мышления — в отношении наиболее заметных проявлений углубляющегося кризиса несущих параметров биологического и социального порядка: очевидного несоответствия между степенью агрессивности среды и ухудшающимися адаптивными кондициями человека; беспрецедентных темпов и масштабов распространения деструктивных социальных эпидемий; нарастающих проблем в связи с использованием техногенной достижений; продолжающейся стагнации институтов религии и науки, как основных генераторов ресурсного статуса современного человека.

Аргументы методологического ряда связаны с тем обстоятельством, что в самые последние десятилетия общее понятие интеллекта дробится на множество отдельных «интеллектов»: логико-математического, лингвистического, пространственного, сенсо-моторного, телесно-кинестетического, физического, эмоционального, межличностного, внутри-личностного, социального, музыкального и проч. В связи с чем, системный стержень понятия интеллекта во многом теряется, а значит, и размывается его функциональный потенциал. И следовательно, перед сектором наук о психике выстраивается задача разработки такого обновленного понимания интеллекта, которое «собирает», восстанавливает и развивает адаптивный потенциал данного важнейшего концепта.

Главным прагматическим аргументом в данном случае является констатация того, что разработанная нами мета-модель социальной психотерапии нуждается в понятной универсальной мишени, ясно демонстрирующей функциональный смысл предпринимаемых здесь усилий, их масштаб, направленность и особую социальную значимость.

Все перечисленные аргументы, в итоге, сводятся в телеологический вектор разработанной модели адаптивного интеллекта, генерирующий именно такие развивающие стимулы для человека и общества, которые способствуют сущностному решению наиболее острых проблем Новейшего времени и поиску новых горизонтов бытия в этой интереснейшей эпохе.

Позиционирование новой модели адаптивного интеллекта

Рассматриваемая модель адаптивного интеллекта (АИ) безусловно не является только лишь дизайнерской конструкцией — т.е. содержащей ранее известные понятия, положения, закономерности в более современном терминологическом и маркетинговом обрамлении.

Новая модель АИ также не является и чисто технологическим — лишенным обновленной сущностной идеи и основывающимся только лишь на проработанных психотехнических компонентах — проектом.

Позиционируемая модель АИ, таким образом, есть оригинальная, научно-обоснованная и методологически выверенная концепция, которая имеет проработанный топологический статус в общей теории психотерапии (ОТП) и полный цикл собственно концептуального построения: адекватную проблематизацию, теоретизацию, технологизацию и инструментализацию.

Новая модель АИ, тем не менее, содержит необходимую дизайнерскую и технологическую составляющую, адекватную для мета-модели социальной психотерапии.

Общие топологические характеристики новой модели АИ представлены позициями того, что рассматриваемая модель

является:

- одним из важнейших результатов реализации Базисной НИП;
- важнейшим компонентом общей теории психотерапии;
- эвристическим следствием концепций 1-го матричного уровня ОТП (объемной реальности, функциональной активности психического, «информационной» генетики, диалогизированного когнитивного стиля, ассоциированной эпистемологической платформы);
- эвристическим следствием концепций 2-го матричного уровня ОТП (обновленной концепции адаптации, модели адаптивно-креативного цикла, качественных характеристик психического здоровья, деструктивных социальных эпидемий);
- эвристическим следствием концептов 3-го матричного уровня ОТП (концепции психопластичности);
- главным компонентом концепции психозетики (5-й матричный уровень ОТП).

В структурно-функциональном отношении (специальные топологические характеристики) рассматриваемая модель АИ является:

– важнейшей эмерджентной характеристикой основных психологических конструкций — свойств, состояний и процессов — представляющих качественные характеристики индивидуального и социального психического здоровья в ОТП;

– стржевой характеристикой процесса эффективной самоорганизации, осуществляемого с использованием механизма осознанного управления темпоральной пластики психического (третья позиция в системе качественных характеристик психического здоровья ОТП);

– универсальной мишенью, фокусирующей и систематизирующей усилия социальных институтов, представленных в мета-модели социальной психотерапии.

Вышеприведенные рамочные и топологические характеристики новой модели АИ, кроме того, что проясняют позицию настоящего компонента в общей теории психотерапии, также и задают специфику содержания данного концепта. Такого рода специфика, тем не менее, представляет самодостаточную ценность.

Содержательные характеристики и определение новой модели адаптивного интеллекта

Традиционные представления об интеллекте

С тем, чтобы специфика обновленного понимания интеллектуальной функции психического была представлена наиболее рельефно и внятно, обратимся к представлениям об интеллекте, приведенным в известных психологических и социологических дискурсах, и посылах.

С нашей точки зрения, таковыми безусловно являются основополагающие тезисы Жана Пиаже, высказанные им на страницах фундаментального труда «Психология интеллекта». Здесь он, во-первых, говорит о том, что интеллект есть некая эмерджентная функция когнитивных процессов: «Интеллект невозможно оторвать от других когнитивных процессов. Он, строго говоря, не является одной из структур, стоящей наряду с другими структурами... Интеллект — это не более чем родовое имя, обозначающее высшие формы равновесия когнитивных структурирований». И далее Пиаже высказывается в том плане, что интеллект не может быть сведен и к некоей когнитивной над-структуре, но этот концепт всегда «располагается» между логическим полюсом психики и биологическими программами жизнеобеспечения (телом), между эмоциональным и логическим полюсами активности психического: «Интеллект — это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов... Если интеллект не является способностью, то это отрицание влечет за собой необходимость некоей непрерывной функциональной связи между высшими формами мышления и всей совокупностью низших разновидностей когнитивных и моторных адаптации». В этих же фрагментах содержится и внятный посыл к эффективному интеллектуальному управлению «нижележащими» формами активности психики и организма в целом. И далее, Пиаже говорит о том, что основная функция интеллекта все же сводится к организации адаптивного взаимодействия субъекта и средой: «...И тогда интеллект будет пониматься как именно та форма адаптивного равновесия, к которой тяготеют все эти адаптации... Все это сводится к тому, чтобы тем или иным образом, в той или иной степени структурировать отношения между средой и организмом» (Ж. Пиаже, цит. по изд. 2004).

Если суммировать все вышеприведенные ключевые тезисы, то речь идет о внешнем, направленном на эффективное взаимодействие со средой, и внутреннем, нацеленном на такое же эффективное взаимодействие субъекта с иерархическими структурами организма, векторе адаптивной активности интеллекта. И здесь же, можно с уверенностью констатировать, что выдающийся ученый-исследователь Жан Пиаже — как это и случается с истинно великими умами — предвосхитил основные магистрали в разработке концепции интеллекта на многие десятилетия вперед.

Весьма интересными и значимыми представляются обобщающие высказывания об интеллекте выдающегося американского психолога, автора всемирно известной «Истории психологии» Мортон Хант. На страницах своего труда Хант внятно говорит о том, что: «В последние годы ученые выдвинули новую концепцию: интеллект не является ни всеобъемлющей умственной способностью, набором связанных способностей, а представляет собой конгломерат различных процессов и стратегий, оперирующих на различных уровнях» (Мортон Хант, цит. по изд. 2009). То есть, нам предлагают внимательно присмотреться к дифференцированным уровням адаптивного взаимодействия, на которых активно функционирует некий конгломерат «различных процессов и стратегий». И тогда встает вопрос, а на каких собственно уровнях активности психического образуется вот этот интеллектуальный конгломерат и далее, происходит наиболее эффективное адаптивное взаимодействие субъекта — носителя интеллектуальной функции — с внешней и внутренней средой? Однако, внятного ответа на этот важнейший вопрос мы здесь не находим.

Следом, обратимся к широко цитируемому определению интеллекта, данному известной представительницей

американской психологической и социологической науки Линдой С. Готтфредсон в серии публикаций 80-х — 90-х годов прошлого столетия. Интеллект, согласно Л.С. Готтфредсон, это весьма общая умственная способность, которая включает возможность делать заключения, планировать, решать проблемы, абстрактно мыслить, понимать сложные идеи, быстро обучаться и учиться на основании опыта. Это не просто изучение книг, узкие академические знания или навыки проходить тесты. Напротив, интеллект отражает более широкую и глубокую способность познавать окружающий мир, понимать суть вещей и соображать, что делать в той или иной ситуации.

В этом определении, с нашей точки зрения, наиболее интересным является тезис о «более широкой и глубокой способности познавать мир». Однако, насколько широко и глубоко может простирается такая способность за границами тех примеров, о которых говорит Линда Готтфредсон, можно судить лишь приблизительно.

Далее, мы, конечно, должны иметь ввиду и знаковые высказывания выдающихся представителей интеллектуальной элиты современности, которым предмет нашего обсуждения «близок не по наслышке».

Так, например, Клаус Шваб — основатель Давосского форума и автор футурологических бестселлеров — считает, что мерилом интеллектуальной состоятельности человечества является расширение доступа к процессу непрерывной трансформации объектов окружающего мира.

Известный ученый, эксперт-футуролог Югваль Ной Харири полагает, что интеллектуальный потенциал современной технологической элиты, помимо прочего, проявляется в той степени, в какой мы сможем управлять реалиями человеческого организма: «Биоинженеры теперь умеют выращивать новые органы и обновлять старые, вмешиваться в организм на генетическом уровне и т. д. Есть и более радикальные подходы, по сути, они предполагают слияние человека и компьютера» (Ю. Н. Харири, 2015)

Рэй Курцвейл — известный футуролог, автор мировых бестселлеров и технический директор Google — также говорит о том, что интеллектуальный путь человечества в том, чтобы изобретать и использовать все более изощренные технологии или «способы изменения окружающей среды и самих себя и этот процесс будет продолжаться, даже если сами технологии будут эволюционировать» (Р. Курцвейл, 2015).

Илон Маск — культовая фигура последних десятилетий — в своих опубликованных интервью говорит о том, что общественный интеллект проявляется еще и в том, чтобы правильно мотивировать поведение человека и общества в отношениях со средой.

И если попытаться выделить сущностный стержень всех этих определений, тезисов и высказываний, то речь опять же идет о векторе интеллектуальных усилий, ориентированном на внешнее (среда) и внутреннее (организм) пространство, и направленном на «умное» управление пространственными характеристиками реальности.

Специфика понимания интеллектуальной функции в новой модели AI

В разработанной версии адаптивного интеллекта, в отличие от всего сказанного, рассматривается вектор интеллектуальных усилий, ориентированный на возможность управления такой сложнейшей пластической характеристикой объемной реальности, как феномен времени. То есть, нас здесь интересует именно этот, глубокий и всеохватывающий уровень взаимодействия статуса субъекта, объекта и потенциального-непроявленного статуса объемной реальности, реализуемый в идее темпоральной пластики. И в нашем случае именно сюда — в интереснейшую сферу темпорально-пластического взаимодействия сущностных компонентов объемной реальности — простирается «более широкая и глубокая способность познавать мир». При том, что полноценная реализация вот этого, обновленного интеллектуального вектора активности психического, как будет понятно далее, безусловно приблизит нас к сущностному решению острейших проблем человека и общества в Новейшем времени.

Речь, таким образом, идет о возможности управления следующим алгоритмом, формирующим категорию объемной реальности и непрерывный информационный круговорот становления и развития данной сложнейшей категории: *генеративная активность психического - фиксируемый импульс активности сознания (ФИАС) – феномен субъективного времени – первичная информация – память – личность – актуальные планы «объективной» и «субъективной» реальности (вторичная информация) – модификация ФИАС – генерируемые атрибуты «объемной» реальности.*

Из чего, как минимум, следует, что пластичными параметрами категории времени — важнейшим «продуктом» генеративной активности психического — можно и нужно управлять за счет осознанного использования гибких форматов ФИАС. Отсюда же выводятся и перспективы осмысленной, экологически выверенной трансформации общего информационного полюса объемной реальности, его «объективных» и «субъективных» компонентов, в заданном направлении.

В этих ключевых тезисах, обосновывающих специфику разработанного нами подхода к обновленному содержанию понятия интеллекта, необходимы дополнительные комментарии и уточнения в отношении генеративной функции психического, а также терминов «осознанность» и «осмысленность», имеющих в данном случае существенное значение.

Функциональная активность психического в ОТП

Традиционное понимание функциональной активности психического, представленное в многочисленных руководствах, классификациях и словарях ограничивается сочетанием следующих дифференцированных функций: регулятивная (адаптивная), когнитивная, коммуникативная, конативная, креативная, аксиологическая. В то время, как в разработанной общей теории психотерапии аргументируется ключевое положение того, что основная функция психики — генеративная.

При этом, в синхронном режиме генерируют следующие базисные феномены — компоненты объемной реальности:

- феномен сознания — диссоциирующие импульсы ФИАС;
- феномен «объективного» времени и пространства;
- дифференцированные статусы и полюсы реальности, формирующие сложную конструкцию объемной реальности;
- феномен информации — как основной «продукт» деятельности психики;
- феномен пластичности, в том числе пластичных категорий времени, пространства, рефлексивных характеристик

субъекта — как возможность сверхэффективного, «моментального» взаимодействия и трансформации статусов и полюсов объемной реальности.

Выведение генеративной функции психического дает основания полагать, что психика и ее носитель — субъект участвуют в сложнейшем информационном кругообороте, обеспечивающем развитие общего поля объемной реальности, и ни коим образом не могут быть устранены из этого общего поля, ибо в этом случае устраняется и сам «генератор» феномена объемной реальности. И конечно, это принципиально иной, более сложный подход в понимании функциональной активности психического, чем, к примеру, сведение такой активности лишь к «отражению» определенного сектора «незыблемой» объектной реальности и ориентации в этой уплощенной реальности.

Что же касается терминов «осознанность» и «осмысленность», активно используемых в новой модели адаптивного интеллекта, то проведенный нами углубленный семиотико-герменевтический и психотехнический анализ этих емких понятий показал, что речь, в итоге, идет о возможности полноценной диссоциации субъекта с актуальными для него атрибутами и характеристиками реальности, включая телесное пространство и любые дифференцированные проявления психической активности. Такого рода диссоциация как раз и дает возможность адекватной репрезентации подобных «объектов» в наиболее приемлемых для адекватного переформатирования контекстуальных и содержательных характеристиках, и их последующей ассоциации в непротиворечивую, неконфликтную и гораздо более устойчивую адаптивную систему.

В новой концептуальной модели АИ этот, совершенно необходимый для старта общего алгоритма самоорганизации процесс диссоциации всемерно облегчается и стимулируется за счет использования беспрецедентных возможностей феномена психопластичности (А.Л. Катков, 2020). Но и сами эти возможности темпоральной пластики должным образом осмысляются и осознаются — т. е. становятся функциональным достоянием субъекта — и далее используются для активизации ключевого процесса диссоциации-трансформации-ассоциации соответствующих фрагментов психической реальности. Осмысленная актуализация феномена психопластичности в данном случае приводит к тому, что с «выпадающим» фрагментом реальности теперь уже имеет дело не какая-то деморализованная, или действующая в автоматизированном режиме «часть» психического, и даже не актуализированный ресурсный личностный статус, но целостность более высокого порядка — взаимодействующие в адаптивном режиме, осознаваемые и внесознательные инстанции психического, или выведенное в супер-ресурсный статус психическое-целое субъекта.

Здесь же у нас складывается и ясное понимание того, каким образом может происходить интеллектуальное обогащение, а значит, и форсированное развитие любых психических свойств, способностей, процессов, состояний и даже элементарных психических актов, которые совсем не обязательно обозначать в качестве «отдельных интеллектов». Но что еще более ценно — у нас формируется адекватное представление относительно возможностей интеграции уже объявленного «множества интеллектов».

И далее, необходимо прояснить по каким критериям — в соответствии с принятыми в ОТП эпистемологическими установками — различаются термины «осознанность» и «осмысленность». Модифицированное, в связи со всем сказанным, функциональное содержание понятия «осознанность» предполагает знание факта «того, что у меня есть», относимое в данном случае к самой возможности использования феномена психопластичности. В то время, как дополненное функциональное содержание понятия «осмысленность» предполагает наличие проработанного представления о феномене темпоральной пластики и наиболее эффективном алгоритме реализации соответствующей функции психического. При полном понимании того, что дифференциация такого рода достаточно условная и опирается на выделение последовательности этапов единого процесса осознания-осмысления, и лексические различия в анализируемых терминах.

Краткое и развернутое определение новой модели адаптивного интеллекта

В связи со всем сказанным, предлагается следующее краткое определение новой модели АИ.

Новая модель адаптивного интеллекта определяется нами как система обновленных, научно-обоснованных представлений об адаптивной активности психики человека, в частности — о возможностях существенного повышения адаптивных кондиций человека и общества за счет осмысленного управления темпоральной пластикой психического.

Приведенное здесь краткое определение безусловно должно быть дополнено расширенной версией определения новой модели АИ, в которой обобщаются и систематизируются наиболее важные характеристики данного инновационного концепта.

Соответственно, в расширенной версии новая модель адаптивного интеллекта определяется нами как оригинальная, научно-обоснованная концепция интеллектуально-адаптивной активности психического (осуществляемой в том числе и за счет осмысленного управления феноменом темпоральной пластики), представленная следующими важнейшими характеристиками:

- *методологическими* — новая модель АИ ни в коем случае не противоречит, а только лишь дополняет известные модели и определения интеллекта, а так же способствует ре-интеграции объявленного «множества интеллектов» в общую функциональную конструкцию адаптивного интеллекта, обладающую необходимым эвристическим потенциалом;
- *сущностными* — стрелковой характеристика рассматриваемой модели АИ безусловно является обновленное понимание процесса эффективной самоорганизации человека и общества, осуществляемого в том числе с использованием механизма осмысленного управления темпоральной пластикой психического;
- *структурными* — рассматриваемая модель АИ, помимо прочего, является важнейшей эмерджентной характеристикой идентифицированных психологических свойств, состояний и процессов, представляющих качественные характеристики категории индивидуального и социального психического здоровья в общей теории психотерапии;
- *функциональными* — обновленное понимание АИ способствует беспрецедентному расширению адаптивных возможностей человека и общества в условиях непрерывного роста агрессивности среды и прогрессирующего снижения биологического (генетического) качества популяции;
- *телеологическими* — новая модель АИ безусловно стимулирует процесс генерации новых решений, новой рациональности и стилей мышления, особенно востребованных в сфере проявлений углубляющегося кризиса несущих параметров биологического и социального порядка; данная модель является универсальной мишенью, фокусирующей и систематизирующей

усилия социальных институтов, представленных в мета-модели социальной психотерапии.

И далее, необходимо прокомментировать эвристический потенциал новой модели АИ в сфере самоорганизации и адаптации, а затем, и в сфере функциональной активности вовлекаемых социальных институтов.

Эвристика новой модели адаптивного интеллекта в сфере эффективной самоорганизации человека и общества *Вводная информация*

Эвристичность какой-либо теории или модели — есть главный признак ее научной состоятельности и востребованности. Поэтому, нам так важно рассмотреть эвристические следствия новой модели АИ и тем более, в такой ключевой сфере как самоорганизация, обозначенной в развернутом определении данной модели.

В психологической науке, тем не менее, гораздо чаще употребляется термин «саморегуляция». По-видимому, потому, что традиционная психологическая наука и практика в большей степени ориентирована на внутренний мир человека. Но поскольку в ОТП и обновленной идее адаптивного интеллекта речь также идет о переформатировании общего контекста (или общего поля, как бы нас поправил Курт Левин), в котором осуществляет свою жизнедеятельность человек, то более правильным в данном случае будет употребление термина «самоорганизация».

Ввиду всего сказанного, представляются уместными следующие вводные и по необходимости краткие комментарии.

Термин «самоорганизация» обычно употребляется в качестве основной функциональной характеристики сложных, нелинейных и открытых систем, к которым, вне всякого сомнения, можно отнести любое живое существо и в первую очередь человека. И далее, процесс самоорганизации традиционно понимается как «Процесс пространственно-временного упорядочения в открытой системе, за счёт согласованного взаимодействия множества элементов её составляющих» (Г.Хакен, цит. по изд. 2014).

Понятно так же и то, что в живых системах данный процесс осуществляется в том числе и в результате взаимодействия множества наследуемых (филогенетических) и сложившихся (онтогенетических) программ, так или иначе регулирующих адаптивную и развивающую активность биологических существ. Однако, в «случае человека» эти программы далеко не всегда пребывают в синергетических отношениях, а наоборот, весьма часто обнаруживают признаки конфронтации, на чем, к примеру, основана идея психоанализа. И здесь еще раз можно вспомнить историю эпохального конфликта *гнозиса*, понимаемого, в том числе и как базисная адаптивная программа внесознательных инстанций психического (архетип веры), и *логоса*, понимаемого, также, и как адаптивная программа, выстраиваемая за счет активности осознаваемых инстанций психики (архетип науки). Собственно, отсюда и выводится задача поиска, и нахождения обновленного параметра порядка, способного выполнять важнейшую миссию ситемообразующего стержня для разнонаправленных информационных программ, действующих в ментальном пространстве субъекта.

Общая теория психотерапии в своих принципиальных установках, теоретических и практических компонентах, как раз и претендует на статус такого обновленного ситемообразующего стержня. Ибо психотерапия, в самом первом приближении, и есть способ эффективной самоорганизации субъекта или группы, осуществляемый с использованием ресурсов психического. И было бы в высшей степени странно и нелогично игнорировать вот этот аспект эффективной самоорганизации в перспективных моделях противодействия тотальному цивилизационному кризису, одной из которых как раз и является представляемая здесь концепция адаптивного интеллекта.

Процесс эффективной самоорганизации в ОТП понимается как осмысленная, многосторонняя адаптивная активность субъекта или группы, осуществляемая с использованием идентифицированных внутренних и внешних ресурсов, позволяющая находить оптимальное решение возникающих кризисных и проблемных ситуаций, а также способствующая успешной реализации конструктивных жизненных сценариев. Отсюда понятно, что новая модель АИ имеет самое непосредственное отношение к возможности форсированного развития используемых ресурсов психического, относимых к внутреннему (субъект) и внешнему (контекст) вектору в сложном контуре объемной реальности. При этом, важно понимать, что эмерджентная — по отношению к рассматриваемой здесь качественной характеристике психического здоровья — функция разработанной модели адаптивного интеллекта подразумевает полноценную ассимиляцию и обогащение соответствующих содержательных характеристик за счет эвристического потенциала АИ.

В общей теории психотерапии выделяются следующие уровни общего процесса самоорганизации, на каждом из которых можно проследить эвристический вклад новой модели АИ.

Уровень выделения существенных характеристик актуальных ситуаций и событий, и адекватной реакции на них. Высокий уровень проработанности данного процесса у субъекта противодействует развитию признаков деморализации в ситуации адапционного напряжения, и наоборот, способствует мобилизации, концентрации, выходу в конструктивную перспективу. Первичная, деструктивная реакция на стресс таким образом эффективно блокируется. А потенциально кризисная или проблемная ситуация трансформируется в развивающую с одновременной генерацией целенаправленной активности субъекта в направлении реализации такой развивающей перспективы. Использование потенциала АИ на данном уровне, безусловно снижает степень дискомфорта, связанного с пребыванием субъекта в стрессовой ситуации — за счет навыка актуализации феномена психопластичности и полноценной диссоциации с кризисным ситуативным контекстом. Общая продолжительность периода адапционного напряжения существенно сокращаются — за счет своевременного «запуска» алгоритма диссоциационно-трансформации-ресурсной ассоциации.

Уровень прогнозирования вариантов развития значимых для субъекта ситуаций и событий, и выстраивания эффективной стратегии поведения в соответствии с такими прогнозами. Высокий уровень проработанности данного процесса позволяет субъекту предвидеть риски формирования стрессовых ситуаций. А в случае их возникновения — иметь готовые варианты наиболее эффективного решения появляющихся проблем. Такая опережающая модель адаптивного поведения субъекта позволяет свести к минимуму или вообще ликвидировать периоды длительного адапционного напряжения, связанного

с состоянием дистресса, и рассматривать любые ситуационные «вызовы» как вполне решаемые жизненные задачи. Использование потенциала АИ на данном уровне — за счет осмысленной актуализации феномена темпоральной пластичности — безусловно повышает скорость и качество процесса моделирования будущего, процесса подготовки к эффективному решению предстоящих задач.

Уровень с эффективного планирования конструктивного жизненного сценария в соответствии со значимыми, долгосрочными целями и ценностями. Данный процесс основывается на готовности субъекта к тому, чтобы не только адекватно реагировать на происходящие события, но и создавать такие события самому, и, таким образом, разворачивать ситуацию в сторону достижения долгосрочных жизненных целей. Важнейшими компонентами данного процесса являются адекватное, мотивирующее целеполагание и собственно процедура пошагового, и долгосрочного планирования. А сам этот процесс является важнейшим структурным компонентом «большого» алгоритма эффективного управления субъектом своей собственной жизнью. Использование потенциала АИ на данном уровне позволяет существенно более точно и своевременно определиться с долгосрочными целями и жизненными ценностями; формировать «глубинную» мотивацию к их достижению и реализации; выстраивать цели и ценности в соответствии с подлинными этическими императивами.

Уровень проработки и реализации моделей адаптивного поведения, направленного к достижению долговременных мотивирующих целей и к реализации жизненных ценностей. Данный процесс актуализируется параллельно с развитием таких свойств, как завершенная личностная идентификация, наличие конструктивного жизненного сценария, сформированная метапозиция внутреннего локуса-контроля, навык ответственного выбора. Субъект с высоким уровнем проработки данного процесса адекватно соотносит свои возможности и модели поведения с имеющимися у него стратегическими целями и установками, и разрабатывает оптимальную линию поведения с наибольшими шансами на успех. Таким образом, дополнительно обеспечивается и долговременная мотивация к достижению значимых промежуточных и конечных целей. А также — приверженность избранной стратегической линии. Что, в свою очередь, способствует формированию такого, особо ценного в ситуации агрессивно навязываемых альтернатив, качества, которое обозначается как «стойкость» или «устойчивость». Использование потенциала АИ на данном уровне — прежде всего за счет осмысленной актуализации феномена психопластичности — позволяет в форсированном режиме осуществлять развитие ключевых личностных свойств (качественных характеристик психического здоровья) и более эффективно осуществлять функцию перспективного моделирования.

Уровень разработки и реализации ситуационно-стратегических, адаптивных моделей поведения в соответствии со значимыми, мотивирующими — краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными целями. Высокий уровень проработанности настоящего процесса позволяет субъекту эффективно использовать все преимущества конкретной ситуации для достижения значимых промежуточных и конечных стратегических целей, соотносить многочисленные варианты развития событий, адекватно определять приоритеты и следовать им. А при наличии неустраняемых препятствий — гибко менять используемые подходы с сохранением высокого темпа продвижения к планируемым результатам. Таким образом, из актуального жизненного пространства субъекта в существенной степени устраняется один из главных дестабилизирующих факторов, связанный с расхождением имеющихся стратегических установок с возникающими ситуационными императивами. Потенциал АИ в данном случае позволяет существенно расширить рамки исследуемых альтернатив ситуационного поведения, повысит скорость и качество принимаемых решений.

Таким же образом эвристический вклад новой модели АИ определяется на каждой из следующих дифференцируемых в ОТП позициях специального процесса самоорганизации:

- *управление проблемной ситуацией с использованием технологии ресурсного серфинга* (усиливается за счет рабочего алгоритма эффективной самопсихотерапии; функциональный потенциал АИ используется здесь в обеспечении ключевого «психопластического наводнения» процесса самопсихотерапии);
- *управление стрессом* (основной акцент здесь делается на технологиях эффективного блокирования первичной и отсроченной реакции на стресс, а так же на форсированное развитие механизмов стрессоустойчивости; психопластический потенциал АИ используются с целью ускоренного «запуска» алгоритма диссоциации-трансформации-ассоциации);
- *управление конфликтом* (основной акцент делается на управление агрессией, формирование такой стратегии прохождения конфликта, в которой выигрывают все вовлеченные стороны; психопластический потенциал АИ здесь используется с целью эффективной диссоциации с агрессивным контекстом конфликтной ситуации, перехода субъекта в статус «человека играющего» и ускоренного поиска креативных решений);
- *управление здоровьем* (акцент в данном случае делается на оперативную и долговременную мобилизацию саногенного потенциала; использование возможностей АИ обеспечивают формирование устойчивой мотивации к достижению высоких уровней здоровья, а также форсированное развитие необходимых компонентов здоровья);
- *развитие специальных навыков по эффективной саморегуляции* — таких как концентрация, мобилизация, диссоциация-осознанность, интуиция, креативность, управляемая трансформация и проч. (в данном случае за счет потенциала АИ обеспечивается необходимое адаптивное взаимодействие и обретения супер-ресурсной целостности основных инстанций психического);
- *управление жизнью* (проработка механизмов эффективного планирования, мотивации, организации и контроля по отношению к основным жизненным циклам осуществляется в том числе и с осмысленным использованием феномена темпоральной пластичности, актуализированного за счет реализованного потенциала АИ).

Что же касается эвристического потенциала новой модели адаптивного интеллекта в отношении процессов социальной

самоорганизация — то, как уже было сказано, сам факт выведения такой универсальной мишени, как эмерджентной характеристики проработанных качественных компонентов индивидуального и социального психического здоровья (А. Л. Катков, 2020), безусловно способствует более осмысленному и качественному управлению данными процессами. При том обязательном условии, что такого рода осмысленное и экологически выверенное управление осуществляется в общем контексте разработанной и реализованной мета-модели социальной психотерапии.

Чуть позже мы поговорим и о миссии социальных институтов — так или иначе вовлекаемых в сферу активности мета-модели социальной психотерапии — способных генерировать ресурсные идиомы для человека и общества в эпоху тотального цивилизационного кризиса.

Эвристика новой модели адаптивного интеллекта в сфере адаптации

В данном случае мы анализируем эвристический потенциал новой модели АИ в каждом из параметров адаптации, выделяемых в общей теории психотерапии.

Параметр традиционно выделяемых видов адаптации

Каждый из традиционно выделяемых видов адаптации — биологической, психологической и социальной — в нашем случае дополняется потенциалом АИ, позволяющим существенно расширить диапазон соответствующих адаптивных возможностей человека и общества, повысить устойчивость к агрессивному воздействию среды и сформировать, таким образом, общий адаптивный полюс, эффективно усиливающий все поименованные виды адаптации.

Параметр анализируемых уровней адаптационного процесса

В дополнение к традиционно дифференцируемым уровням адаптационного процесса — видовому, организмическому, клеточному, неврологическому, иммунологическому, эндокринологическому, эпигенетическому — в обновленной концепции адаптации ОТП стержневым уровнем, от которого прямым или косвенным образом зависят все поименованные иерархические срезы, является системно-информационный уровень. Именно на данном уровне разворачиваются процессы эффективной самоорганизации с использованием механизмов осознанного управления феноменами темпоральной пластики, в полной мере реализуется функциональная активность качественных характеристик психического здоровья, в совокупности обеспечивающих существенное расширение адаптационных возможностей человека и общества.

Параметр используемых ресурсов

Указываемые в традиционных научных дискурсах адаптационные ресурсы — запрограммированная в биологических структурах организма амплитуда приспособительных возможностей и стандартные психологические ресурсы, соответствующие возрастному развитию субъекта — в нашем случае дополняется группой ресурсных характеристик качества психического здоровья, включая эмерджентную характеристику АИ и заложенные здесь беспрецедентные креативно-пластические возможности. В итоге, адаптивная активность субъекта имеет специфические признаки, весьма отличные от стандартного диапазона биологических программ и усвоения адаптивных знаний — умений — навыков.

Параметр адаптивного взаимодействия осознаваемых (Я) и неосознаваемых (ОНО) инстанций психического

О важности адаптивного взаимодействия основополагающих инстанций психического в одной из первых и наиболее известных психоаналитических работ «Толковании сновидений» писал Зигмунд Фрейд (вводный комментарий к разделу «Научная литература по вопросу о сновидениях»), а также и Карл Густав Юнг (в своей лекции «Психотерапия сегодня», впервые опубликованной в 1945г.) У Фрейда такое взаимодействие сводится к более эффективному контролю зрелого Я клиента над энергиями и импульсами бессознательного за счет проработки более конструктивных вариантов психологической защиты. В то время как Юнг считал эту стратегию не совсем удачной, так как в данном случае неизбежно «следующее вытеснение» со всеми, выводимыми отсюда последствиями. В качестве способа адаптивного механизма взаимодействия Я и ОНО Юнгом было предложено понятие Self (самость), которое формируется в процессе терапевтической индивидуации. Сам Юнг вполне ясно говорил о том, что: «Переживание самости не имеет ничего общего с интеллектуальностью; это — витальное событие, вызывающее фундаментальное переустройство личности. Я назвал процесс, ведущий к такому переживанию, процессом индивидуации» (К.Г. Юнг, цит. по изд. 1998).

В нашем случае, именно за счет механизма осознаваемой темпоральной пластики АИ, осознания и осмысления сложной конструкции темпорального взаимодействия статусов и полюсов объемной реальности, рассматриваемые инстанции психического получают новый язык перевода и взаимодействия со множественными адаптивными эффектами, сопутствующими темпоральной пластике. Таким образом, нет никакой необходимости отказываться от понятия интеллекта и от идеи «умного» взаимодействия рассматриваемых инстанций, также, как и от идеи достижения супер-ресурсной целостности психического.

Параметр множественных прямых и обратных связей, формируемых между агрессивной средой и человеком

В дополнение к традиционному пониманию прямых и обратных связей в общем контексте адаптационного взаимодействия «внешняя среда — человек — внутренняя среда» в нашем случае повышенное внимание уделяется темпорально-пластическому механизму «умного» управления как прямыми, так и обратными адаптивными связями, имеющих место в сложной конструкции объемной реальности. Специфика управляемой темпорально-пластической активности таких прямых и обратных связей приводит, в итоге, к искомой динамике развития как человека — в смысле эффективной компенсации и гиперкомпенсации прогрессивно утрачиваемых биологических способностей, так и среды — в смысле снижения степени агрессивности. Что, собственно, и является наиболее перспективной стратегией процесса эффективной адаптации человека и общества в Новейшем времени.

Параметр этапов и фаз адаптивно-креативного цикла

В нашем случае, такого рода цикл, в отличие от упрощенных, классических схем, оформляемых в духе био-психосоциального подхода, представлен максимально полным набором этапов и фаз, имеющих значение при исследовании сложного процесса адаптации, а так же — при оказании психотерапевтической профессиональной помощи субъекту, находящемуся в кризисном периоде своего развития.

При этом, сам по себе адаптивно-креативный цикл со всеми его дифференцированными этапами — есть расширенное описание порядка «отыгрывания» прямых и обратных связей в сложной динамике развития системы: среда – человек — феномен самоорганизованного поведения (с использованием потенциала AI) — среда.

Перспективный вектор разворота данного цикла, в свете всего сказанного, безусловно ориентирован на доминирование внутреннего локуса контроля и на реализацию обновленной формулы: «человек — начало всех вещей» (с учетом не только предметной, но и темпоральной сущности «вещей», понятной с использованием потенциала AI).

Параметр границ адаптивной гуманитарной активности

Представления о границах адаптивной активности популяции в нашей модели существенно расширяется именно за счет возможности использования потенциала AI и мета-модели социальной психотерапии. Процесс адаптации в данном случае активизируется вследствие форсированного развития качественных характеристик индивидуального и социального психического здоровья, включая эмерджентную характеристику адаптивного интеллекта.

При этом, как уже было сказано, ожидается раскрытие новых горизонтов бытия человека и общества в Новейшем времени.

Данная ситуация, помимо прочего, является стимулом для форсированного развития научно-практических направлений, предметной сферой которых являются психика человека.

Эвристика в психотерапии

Концептуальная, психотехническая и инструментальная эвристика новой модели AI в сфере профессиональной психотерапии

Неоспоримый факт успешной реализации в самые последние годы мета-модели социальной психотерапии (А.Л.Катков, 2020; В.В. Макаров, 2021) только лишь подтверждает тенденцию того, что психотерапия выводится в статус особо значимых социальных институтов Новейшего времени. И конечно, институт профессиональной психотерапии является основным «вместителем» процесса адекватной инструментализации и технологизации новой идеи адаптивного интеллекта.

Однако, только лишь психотехническими и инструментальными инновациями эвристика новой модели AI, в случае психотерапии, не исчерпывается. И здесь, в первую очередь, необходимо прокомментировать вопрос о том, каким именно образом эмерджентная конструкция AI соотносится с идентифицированной совокупностью качественных характеристик психического здоровья, представленных определенными психическими свойствами состояниями и процессами.

К психологическим свойствам, обеспечивающим устойчивость субъекта — носителя этих свойств — к агрессивному воздействию среды, по результатам проведенных масштабных исследований, мы относим: полноценное завершение личностной идентификации; наличие позитивного — идентификационного — жизненного сценария; полноценно сформированный, устойчивый мотивационный комплекс, направленный на реализацию конструктивного жизненного сценария; сформированные навыки свободного и ответственного выбора; сформированное качество внутреннего локуса-контроля; наличие психологических ресурсов, необходимых для реализации конструктивного жизненного сценария; наличие адекватной информированности об агентах, агрессивных и деструктивных по отношению к основным жизненным сценариям.

В приведенном перечне особый интерес представляет шестая позиция, которая, в нашем случае, дополняется наличием специфических — помимо соответствующих возрасту знаний-умений-навыков — ресурсов, необходимых для реализации конструктивного жизненного сценария. Данное свойство, интегрирующее множественные проявления психической активности, выводится с акцентом именно на те ресурсные характеристики, которые имеют прямое отношение к эффективному выстраиванию и реализации идентификационного жизненного сценария. То есть, речь здесь идет о конструкции адаптивного интеллекта, которая является фокусом соответствующих профилактических и терапевтических мишеней. В свою очередь, функциональная активность конструкции AI дифференцируется, дополняется и проявляется в следующих компонентах-мишенях, выделяемых в сфере профессиональной психотерапии.

Проработанная базисная адаптационная стратегия с акцентом на синергию (сотрудничество), открытая к изменениям, стимулирующая актуализацию особых креативно-пластически ресурсов психического. Такая стратегия стимулирует процессы быстрого усвоения имеющейся информации, поступающей по различным каналам, а также — генерации новой, актуальной информации. Данная ключевая характеристика может быть представлена свойствами-мишенями следующего порядка:

- наличие осознанной и осмысленной синергии в отношениях инстанций психического-целого (Я — ОНО) с выводимой отсюда возможностью достижения управляемой гиперпластики;
- наличие ресурсной метапозиции по отношению к основным агентам со-бытия (со-участие, со-трудничество, со-творчество);
- наличие позитивной синергетической установки в системе межличностных отношений (Я благополучен — Ты благополучен);
- наличие специальных навыков дифференцированной сензитивности, коммуникативности, ассертивности, креативности.

Второй ключевой фактор по данной позиции, форсированное развитие которого возможно с использованием пластического потенциала АИ, — наличие проработанного ресурсного личностного статуса Я-ресурсный (ая); Я-сильный (ая), уверенный (ая), все-могущий (ая). Ресурсный личностный статус актуализируется, как минимум, в моменты адапционного напряжения и способствует прохождению таких ситуаций в режиме «ресурсного серфинга» с максимумом приобретений и минимумом потерь. Адекватное и своевременное «включение» такого проработанного личностного статуса в режиме управляемой гиперпластики, помимо прочего, позволяет субъекту с легкостью «путешествовать» по всему ассортименту адаптивных статусов и ролей, темпоральным векторам прошлого-настоящего-будущего. Что, вне всякого сомнения, повышает адаптивные кондиции субъектов психотерапевтического процесса.

При этом, надо еще и понимать, что первоосновой, на которой формируются рассматриваемые свойства-мишени, являются базисное доверие, уверенность, инициатива, завершение личностной идентификации (по Э. Эриксону). И мы постоянно подчеркиваем, что форсированное развитие и преодоление каких-либо сценарных деформаций этого важнейшего базиса возможно и необходимо в условиях психотерапевтического процесса, проводимого с привлечением темпорально-пластического потенциала АИ.

Специально следует отметить, что в описанной здесь комбинации ресурсных возможностей АИ приоритет отводится группе креативно-пластических ресурсов, обеспечиваемой синергетической стратегией поведения и активным сотрудничеством субъекта с внешними агентами развития и внутренними, супер-ресурсными инстанциями психического. Речь, следовательно, идет именно о том ресурсном потенциале, на который, в основном, и опирается эффективная профессиональная психотерапия. И который, затем, становится достоянием вовлекаемого в данный процесс субъекта, обеспечивая искомые адапционные кондиции и высокий уровень устойчивости к агрессивным и стрессовым факторам.

Новая модель АИ, кроме того, имеет прямое отношение и к психическим состояниям, выделяемых в отдельную группу качественных характеристик психического здоровья. Здесь мы говорим о первичном ресурсном состоянии клиента, имеющем приоритетное значение в психотерапевтической работе с актуальными запросами и мишенями; а также — устойчивом ресурсном состоянии, обеспечивающем высокое качество жизни, толерантность к агрессивным факторам среды, и являющемся одной из приоритетных универсальных мишеней в профессиональной психотерапии. Как в первом, так и во втором случае пластические механизмы достижения необходимой здесь синергии основополагающих инстанций психического (осознаваемых и вне-сознательных), представленные и детализированные в новой модели АИ, в свою очередь обогащают и конкретизируют содержание рассматриваемых качественных характеристик.

Что же касается эвристического вклада АИ в содержательные характеристики особо значимой, третьей группы качественных характеристик психического здоровья — процессов эффективной индивидуальной и социальной самоорганизации, осуществляемых с осмысленным использованием механизма управляемой темпоральной пластики, то об этом уже сказано достаточно в предшествующих подразделах.

Здесь же, мы коротко прокомментируем полный алгоритм эффективной самопсихотерапии. С пониманием того, что данный термин употребляется в значении специального формата психотерапии, которым и должно завершаться ответственное профессиональное взаимодействие с клиентом; и что данный процесс — в соответствии с результатами проведенных нами исследований — весьма часто воспроизводится и без предварительного психотерапевтического взаимодействия. В последнем случае по-видимому более правильно говорить о реализованном навыке эффективной самоорганизации.

Идентифицированный в этих исследованиях алгоритм самопсихотерапии (самоорганизации) может быть представлен следующим образом:

- манифестация некоего адапционного диссонанса, который «сигналист» и ощущается субъектом как напряжение или дискомфорт;
- идентификация проблемного фрагмента психической активности;
- актуализация ресурсного личностного статуса субъекта с одновременным формированием темпоральной гиперпластики (предполагает наличие проработанных адаптивных отношений осознаваемых и неосознаваемых инстанций психического);
 - диссоциация с проблемным сектором (как вариант — «опредмечивание» последнего);
 - терапевтическая трансформация проблемного сектора психической активности (в идеале — с активным вовлечением супер-ресурсных инстанций психического);
 - ассоциация «исправленного» фрагмента с психическим-целым (то есть — обретение искомой целостности, ис-целения);
 - переживание деятельностного удовлетворения и ценности приобретенных таким образом изменений;
 - воспроизведение обновленного адаптивного качества в реальной жизненной ситуации и закрепление в моделях поведения.

По результатам этих же исследований, такого рода общий алгоритм, предусматривающий актуализацию феномена темпоральной пластики в процессе профессионального психотерапевтического взаимодействия, осмысленно генерируется и адекватно отслеживается подготовленным специалистом-психотерапевтом. В то время, как для клиента этот базисный аспект психотерапевтической коммуникации остается скрытым и в его повседневной жизненной активности, как правило, не воспроизводится. Между тем, углубленная проработка и трансляция данного, ключевого компонента АИ в процесс эффективной самоорганизации (самопсихотерапии) решает обозначенную важнейшую проблему по существу.

Из всего сказанного следует, что эмерджентная конструкция АИ соотносится с выделяемыми качественными характеристиками психического здоровья по синергетическому принципу взаимообусловленности — взаимодействия — взаимодополнения. В результате чего мы и получаем реальную возможность достижения наиболее востребованного психотерапевтического эффекта, т. е. максимально-возможных, конструктивных и устойчивых терапевтических изменений в минимальные временные периоды.

И далее, необходимо иметь в виду, что потенциал технологической эвристики новой модели АИ полноценно присутствует в следующих психотехнических концептах третьего матричного уровня ОТП: идее трехуровневой психотерапевтической коммуникации; содержательных компонентах мета-технологического коммуникативного уровня и в наиболее эффективной модели взаимодействия данных компонентов с используемыми макро-технологиями и структурированными техниками профессиональной психотерапии; содержании новых блоков подготовки специалистов-психотерапевтов и проч.

И последнее, о чем нужно сказать в настоящем подразделе — это диагностические инструменты разработанной методологии психотехнического и комплексного анализа, которые имеют прямое отношение к определению степени развития отдельных характеристик адаптивного интеллекта. Речь здесь идет о специальных шкалах, оценивающих степень представленности идентифицированных качественных характеристик психического здоровья — обозначенных нами свойств, состояний, процессов (или универсальных психотерапевтических мишеней). Последняя (десятая в общем перечне) шкала, кроме того, оценивает общий вектор и качество взаимодействия осознаваемых (Я) и внесознательных (ОНО) инстанций психического. Все эти шкалы, в итоге, дают исчерпывающее представление о терапевтической динамике универсальных мишеней, включая и ключевые характеристики АИ. Нами разработаны как рутинный, применяемый в обычной психотерапевтической практике, так и исследовательский варианты методологии психотехнического анализа. И тот, и другой варианты могут быть использованы не только в сфере профессиональной психотерапии, но и в любой другой области, где обновленная концепция адаптивного интеллекта будет востребована.

Эпистемологическая эвристика новой модели АИ в сфере профессиональной психотерапии

Эвристический потенциал новой модели адаптивного интеллекта прямо касается и более глубокого, эпистемологического контекста, формирующего рамочную концепцию психотерапии как самостоятельного научного направления, и более того — как авангардной научной дисциплины, выполняющей важную «донорскую» миссию по отношению к сектору наук о психике и корпусу науки в целом.

В ходе проведенного нами углубленного эпистемологического анализа предметной сферы психотерапии, включая и культурно-историческую реконструкцию предмета психотерапевтической традиции на доступную глубину, мы получили весьма интересные ответы на вопрос того, почему же сектор наук о психике до настоящего времени должным образом не оформлен и не занимает абсолютно необходимого, приоритетного положения в общем корпусе науки (А. Л. Катков, 2020). Не говоря уже о психотерапии, которая признается в статусе научной дисциплины лишь немногочисленной группой энтузиастов, заявляющих, что психотерапия — есть некий раздел «научной герменевтики» (например, А.Притц, Х.Тойфельхарт, 1999). Но такой науки, как «научная герменевтика», также как и «научной этики» — чуть позже мы вернемся к обсуждению и этого важнейшего вопроса — в перечне уважаемых научных дисциплин мы не находим. Более того, нам ото всюду твердят, что в лучшем случае психотерапия — это лишь психотехнический компонент научных дисциплин (психологии, психиатрии и проч.), которые, таким образом, претендуют на статус «материнских» по отношению к профессиональной психотерапии. И в качестве основного аргумента здесь приводится тезис того, что собственных, научно-обоснованных теоретических концептов, не говоря уже о наличии «всеобъемлющей» и «основополагающей» теории, в поле психотерапии никогда не было и нет.

Однако, отдавая должное основателям психологии — первой общей науке о психике — мы будем помнить и следующее острое и много что проясняющее высказывание выдающегося исследователя истории психологии Дэниела Робинсона: «Появление научной психологии... не было обусловлено каким-либо открытием, расширившим имеющиеся знания в сфере психического и продемонстрировавшего специфику и независимость нового направления. Таким образом, не успев создать собственные внутренние основания для самостоятельного развития, психология была вынуждена искать убежище в логике развития сложившихся к этому времени естественнонаучных дисциплин, по преимуществу биологических. Но такое убежище могло быть предоставлено наукам о психике только лишь ценой принятия последними определенных обязательств, в частности — ценой отмежевания от своих истоков в философии и ценой жесткого ограничения множества допустимых методов и задач» (Д. Робинсон, 2005). То есть, нам прямым текстом говорят о том, что и вот эта главная, системообразующая наука о психике точно также заимствовала сторонние и чуждые ей эпистемологические установки, которые в итоге, и привели сектор наук о психике в состояние эпистемологического тупика.

Еще более жестко и провидчески высказывался в этом же плане выдающийся русский философ-исследователь Семен Людвигович Франк. На страницах своего фундаментального труда «Душа человека», изданного еще в 1917 году, он говорит так: «Мы стоим перед фактом совершенного устранения учений о душе и замены их учением о закономерностях так называемых «психических явлений», оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира... Это значит, что современная так называемая психология есть вообще не психология, а физиология» (С. Л. Франк, цит. по изд. 1990). Сам же Семен Людвигович считал сущностным определением категорий души и духа такие, безусловно темпоральные характеристики, как «непротяжённость», «непространственность», «невременность». Что, как минимум, указывает на необходимость генерации абсолютно новых когнитивных стилей и научных подходов, и в первую очередь обновлённой системы фундаментальных допущений, которые должны лечь в основу эпистемологической платформы, преодолевающей ограничения и опасности разделенного мира.

И далее, в наших исследованиях было ясно показано, что главная эпистемологическая проблема сектора наук о психике — как, впрочем, и корпуса науки в целом, но об этом чуть позже — является базисный конфликт фундаментальных способов познания реальности, которые, в соответствии с реконструированными историческими реалиями, мы обозначили как «гнозис» и «логос». При этом, «пунктир» такого рода конфликта можно отследить еще с античных времен. Однако, отчетливый старт эпистемологического раскола и «плачевных» — для сектора наук о психике — последствий такого раскола следует исчислять с началом эпохи Нового времени, когда доминирующим способом познания становится архетип логоса, ориентированного на исследование закономерностей только лишь одного плана «объективной» реальности, и конфликтующего с гностическим способом познания «объемной» реальности (А. Л. Катков, 2020).

Психотерапевтическая традиция, всеми своими корнями опирающаяся на архетип «гнозиса», основанного на уникальной генеративной и пластической функции психического, оказалась в ситуации фантома, «вместе с водой выплескивающей ребенка». В связи с чем, элементы первичный гностического опыта, так же, как и фундаментальные — генеративная и пластическая — функции психического оказались здесь предельно редуцированными и деформированными. А сам процесс психотерапии, как и получаемые результаты, длительное время интерпретировались лишь в соответствии с принятой псевдонаучной мифологией. Отсюда и обоснованные упреки, предъявляемые к психотерапии, — во вторичности и эклектичности таких теоретических построений, в большей степени соответствующих ремесленному уровню развития профессии.

И далее, в общей теории психотерапии мы обосновываем факт того, что эвристическая идея АИ, безусловно, является сердцевинной обновленной эпистемологической платформы, предоставляющей «золотой» шанс сектору наук о психике.

Психотерапия потому и претендует на статус авангардной науки, что здесь — в компонентах ОТП, в частности, в идее адаптивного интеллекта — основательно прорабатывается и проблематика взаимодействия двух базисных способов репрезентации реальности — *гнозиса* и *логоса*, но так же и механизмы взаимодействия универсальной (первичной) с уникальной (вторичной) информацией в условиях психотерапевтического процесса. При том, что в модели объемной реальности первичная информация генерируется в процессе импульсного или «моментального» взаимодействия статусов реальности (в этот же момент дифференцируемых на таковые), и понимается как пространственно-временная структура получаемого, таким образом, объектного плана. Под вторичной информацией здесь понимается переживаемый уникальный опыта субъекта, который и обозначается как «уникальный», поскольку не может быть полностью наложен или переложен на любого другого субъекта со своей историей становления бытия–в–мире.

В принятой на сегодняшний день системе оценочных критериев, подлинно научными или «объективными» следует считать лишь те знания, которые соответствуют непреложному правилу: при стандартных — включая экспериментально заданные — условиях стандартно же и воспроизводятся исследуемые аспекты и характеристики реальности. То есть, «подлинно научные» знания адресуются к полюсу первичной информации. Все, что адресуется к полюсу вторичной информации, считается «ненастоящей», или даже «плохой» наукой, поскольку не соответствует или не вполне соответствует данному, вполне определенному и жесткому критерию. И такая квалификация, используемая по отношению к психотерапии, нас конечно же не может устроить.

Ибо в случае психотерапии, новая адаптивная информация, получаемая в процессе психотерапевтического взаимодействия и в ходе соответствующих научных исследований, в итоге, адресуется ко всем дифференцируемым статусам объемной реальности, включая статус «объективной» реальности (т. е. полюс первичной информации) и статус субъекта (полюс вторичной информации). Но главным адресантом здесь все же является еще более глубинный уровень — темпорального форматирования и трансформации дифференцируемых информационных полюсов объемной реальности. Именно в этой «точке приложения» и сходятся *гнозис* и *логос*. И именно этого звена не доставало во всех «умозрительных» и неконкретных построениях, так и не предоставляющих возможностей адекватного моделирования и корректного воспроизведения *гностико-логической* феноменологии объемной реальности. То есть, в нашем случае вот этот стержневой критерий принадлежности психотерапии к подлинной науке не только полностью выдерживается, но еще и дополняется в соответствии с высоким стандартом авангардной науки.

Данная ключевая позиция — темпорального форматирования и трансформации дифференцируемых информационных полюсов объемной реальности, т. е. ключевого компонента новой модели АИ — весьма интересным образом представлена на уровне осмысления глубинных механизмах кризисной динамики развития сложной открытой системы, которую и являет собой человек. С позиций синергетического научного подхода, главные стратегии кризисного развития так или иначе связаны с существенным увеличением информационных стратегий, умножением числа жизненных альтернатив. В данном случае, такие альтернативы рассматриваются как необходимое условие выживания системы, движущейся по катастрофическому сценарию развития. Еще одна, предлагаемая здесь эффективная стратегия преодоления кризиса связана с необходимостью возврата к общему генетическому «стволу», из которого берут начало несущие параметры порядка рассматриваемой системы, с пересмотром принципов формирования таких информационных параметров порядка, или, в нашем случае, адаптивных программ. Так вот, этим «стволом» — в случае психотерапии — как раз и является механизм темпоральной пластики, с актуализацией которого существенно ускоряется и прибавляет в качестве адаптивный процесс генерации жизненных альтернатив.

Выводимое отсюда, объяснение наличия множества психотерапевтических методов состоит в том, что именно таким образом и реализуется первый из приведенных здесь базисных способов кризисного развития человека и общества, предполагающий «увеличение информационных стратегий». С этих позиций, каждый психотерапевтический метод может рассматриваться в качестве одной из таких «информационных стратегий» кризисного развития клиента или группы.

И здесь же совершенно определенно надо сказать и о том, что вот этой второй, проработанной в теоретическом и психотехническом аспектах, стратегии, предполагающей возможность возврата к общему «стволу» темпорального переформатирования адаптивных параметров порядка, как раз и не хватало традиционным психотехническим построениям, имеющим место в секторе профессиональной психотерапии. Однако, с разработкой общей теории психотерапии данный, абсолютно неприемлемый дефицит был устранен. Основополагающая и всеобъемлющая теория психотерапии, разработанная в ходе реализации Базисной НИП, безусловно ассимилирует все поименованные, наиболее эффективные стратегии кризисного развития субъекта и группы.

Общую формулу эффективного психотерапевтического процесса, при этом, можно представить следующим образом: актуализация (за счет используемых макро- и мета-технологических подходов) эволюционно заложенных механизмов гиперпластики адаптивных изменений + умножение (за счет множества используемых вариантов структурно-технологического оформления методов психотерапии) числа конструктивных альтернатив кризисного развития субъекта + форсированное развитие (за счет совокупности используемых технологических подходов) высоких уровней качественных характеристик психического здоровья, обеспечивающего эффективную самоорганизацию, устойчивость и безопасность человека в агрессивной среде, т. е. —

обновленных параметров адаптивного порядка.

Первое слагаемое в вышеприведенной формуле обеспечивается универсальными, второе — уникальными, а третье — совокупностью универсальных и уникальных теоретических и технологических характеристик профессиональной психотерапии. И далее, эти взаимодополняющие характеристики психотерапевтического процесса, преобразованные в соответствующие универсальные и специфические индикаторы эффективности, становятся доступны для измерения и последующего анализа. То есть, центростремительные (универсальные) и центробежные (уникальные) идеи здесь не конфликтуют, а необходимо и эффективно взаимодействуют.

Все сказанное, во-первых свидетельствует об уникальной информационной генетике психотерапевтической науки и практики, складывающейся в том числе и с использованием новой модели АИ, и превосходящей по степени сложности стержневые эпистемологические идеи дисциплин, претендующих на статус «материнских» по отношению к психотерапии. А во-вторых, — формирует оптимальный информационный контекст для развития сектора наук о психике в целом.

Эвристические следствия в общем корпусе науки

Эвристика новой модели адаптивного интеллекта в эпистемологии

Сфера важнейшего социального института науки представлена в мета-модели социальной психотерапии в том числе и потому, что именно здесь «производятся» идиомы, в идеале, поддерживающие ресурсные кондиции человека и общества.

Углубленный эпистемологический анализ фундаментальных допущений, доминирующих в общем корпусе науки, помимо прочего, продемонстрировал и важный факт того, что эвристические потенциал обновленной идеи адаптивного интеллекта выходит за рамки сектора наук о психике и распространяется на авангардный фронт науки в целом.

По сути, речь идет о том, что ключевая идея АИ — синергии базисных способов познания реальности — может и должна быть воплощена в обновленных эпистемологических конструкциях современной науки. Такая, радикально обновленная эпистемологическая платформа была разработана в рамках Базисной научно-исследовательской программы, реализуемой по профилю психотерапии.

И далее, мы сосредоточимся лишь на сущностных отличиях конструкции эпистемологических платформ от базисного концепта эпистемологических профилей выдающегося французского философа-исследователя Гастона Башляра, разработанного им в 40-е — 70-е годы прошлого века.

Первое такое отличие состоит в признании факта того, что далее невозможно ограничиваться только лишь репродукцией выделенных Г. Башляром основных типов рациональности, за счет которых, по мысли этого автора, развивается сектор естественных наук (в первую очередь такой науки, как физика), и которые доминируют в общем поле науки по настоящее время. Так, например, в гуманитарном секторе наук, в системе выведенных Башляром приоритетных профилей «оси развития знания» каких-то, чрезмерно высоких темпов качественного роста не наблюдается. А что касается сектора наук о психике, то здесь влору говорить о тупике или эпистемологической «ловушке», в которую раз за разом попадают «простодушные» исследователи, страстно желающие соответствовать выведенным для совершенно другого научного полюса типам научной рациональности.

Соответственно, все сформулированные Башляром типы рациональности и выведенная им «ось развития знания» обозначаются в наших концептуальных построениях общим логическим смысловым архетипом. Между тем, в идее адаптивного интеллекта и выводимой отсюда эпистемологической конструкции обосновывается не просто со-существование, но эффективное взаимодействие логического и гностического смысловых архетипов, о беспрецедентных преимуществах которого было уже многое сказано.

Отсюда, выводятся не только стержневые особенности предлагаемого нами эпистемологического подхода, но также и систематика фундаментальных эпистемологических допущений, основанная на признаках доминирования обозначенных здесь смысловых или мыслительных архетипов. В данной связи нами предлагается следующая типология эпистемологических платформ, доминирующих в сфере представлений человека о сложной категории реальности: *недифференцированная* — по признаку доминирования первичного гностического опыта и соответствующих мифологических интерпретаций такого опыта в так называемую донаучную или протонаучную эпоху; *диссоциированная* — по признаку доминирования логического мыслительного архетипа и углубляющегося конфликта между двумя базисными способами познания реальности в эпоху Нового времени (именно в эту эпоху — поразительно, но факт — гностический способ репрезентации реальности бал атакуем как со стороны ортодоксальной науки, так и с позиции религиозных институтов, беспощадно преследующих «гностическую ересь»); *ассоциированная* — по признаку синергии обозначенных мыслительных архетипов и способов познания объемной реальности в Новейшее время. В последнем случае, как понятно из всего сказанного, формируется новый тип рациональности, идея которого является ключевой характеристикой новой модели АИ.

Такого рода эпистемологические построения, в частности конструкция ассоциированной эпистемологической платформы, рассматриваются нами как наиболее перспективный и наименее «освоенный» научным истеблишментом потенциал авангардной науки. И кроме того — а это особенно важно в эпоху «хаоса» кризисных параметров порядка — идея радикального эпистемологического обновления безусловно приведет к пересмотру последнего по времени эпистемологического поворота с его главным посылом отказа от наукоцентризма. Именно для становящейся психотерапевтической науки последнее обстоятельство является критически важным, поскольку основной довод в пользу такого постмодернистского поворота — признание факта, что наука не является единственной системой производства и постижения значимой, адаптивной информации — может быть истолковано и в духе того, что психотерапия как раз и представляет собой идеальный образец упомянутого «ненаучного» способа генерации адаптивной информации. С укоренением вот этого, упрощенного и в чем-то даже привлекательного эпистемологического ракурса, процесс продвижения профессиональной психотерапии к статусу самостоятельного и состоятельного научно-практического направления окажется крайне затруднительным. Соответственно, и сектор наук о психике останется в том же, абсолютно неприемлемом состоянии, в котором он пребывает в настоящее время.

Важно сказать и о том, что предложенный способ миропонимания не только элиминирует опасности расколотого бытия и снимает напряжение когнитивного диссонанса у мыслящих людей (К. Саган, 2017), но способствует полноценному возвращению и утверждению человека в качестве активного со-участника, со-творца сложной категории реальности, возвышает его миссию в генерации всех мыслимых аспектах бытия-в-мире.

И здесь, мы бы хотели «призвать в союзники» известнейших ученых, лауреатов Нобелевской премии Илью Пригожина и Роджера Пенроуза, которые настаивали на том, что следует разрабатывать описание мироустройства, проясняющего необходимость самого существования человека. Роджер Пенроуз, кроме того, в своём известном произведении «Новый ум короля» об интересующем нас предмете высказывался следующим образом: «В самом деле, есть нечто весьма странное в том, как время входит в наше сознательное восприятие. И я думаю, что для интерпретации этого феномена в рамках наших традиционных представлений может понадобиться совсем другая концепция. Сознание — это, в конце концов, единственное явление, согласно которому время «течёт»... В этом случае всё собирается. Появляется простота, ясность и единство» (Р. Пенроуз, 2011).

То есть, обновленные горизонты бытия человека в Новейшем времени еще и переливаются всеми оттенками чудесной темпоральной радуги, которая теперь высвечивается не по редкому случаю, но является нашим достоянием на все времена.

В свете всего сказанного, науке — вспоминаем о ресурсных идиомах — уже сейчас есть что предложить человеку и обществу, переживающему, возможно, самый сложный период своей истории.

Эвристика новой модели адаптивного интеллекта в методологии эпистемологического анализа

Полноценная инструментализация — т. е. адекватная разработанность и представленность функциональных компонентов новой модели ИИ в методологическом и диагностическом инструментарии — является необходимым условием использования прагматического потенциала рассматриваемой здесь концепции. А также — важным критерием состоятельности нашей версии адаптивного интеллекта.

В данном подразделе речь пойдет о методологии эпистемологического анализа, разработанной с учетом принципиально новых типов рациональности в идее ИИ.

Сложная методология эпистемологического анализа, проработанная в ходе реализации первых этапов Базисной научно-исследовательской программы, включает отдельные методы-фрагменты эпистемологического анализа, в совокупности формирующие адекватную «информационную генетику» любого научного направления. В то же время, в сфере наук о психике данный метод, по-видимому, является единственным способом получения адекватных представлений о предметной сфере таких наук. Речь, в данном случае, идет о таких фрагментах-методах эпистемологического анализа как: генетико-конструктивного; гипотетико-дедуктивного; культурно-исторической реконструкции; семиотико-герменевтического анализа; психотехнического и комплексного анализа; модифицированного форсайтного исследования. Специальный алгоритм использования этих встроенных методов открывает возможность систематизации и организации «больших данных» в любом секторе науки и, в первую очередь, в секторе наук о психике. А в перспективе — и в корпусе науки в целом.

Полное описание методологии эпистемологического анализа по своему объему существенно превышает формат настоящей статьи (см. публикацию «Метод эпистемологического анализа в психотерапии», А. Л. Катков, 2020). Здесь же мы ограничимся самым кратким экскурсом в суть того, чем является данный метод.

Согласно определению, представленному в Энциклопедии эпистемологии и философии науки (2009) метод эпистемологического анализа представляет собой способ критического пересмотра определённой области знаний. Эпистемологический анализ позволяет: идентифицировать глубинный культурно-исторический и собственно эпистемологический контекст, из которого выводится исследуемая форма знаний; отделять иллюзии, химеры, беспочвенные верования, «идеологию» от подлинно научных, концептуальных основ знания; отделять поверхностную интерпретацию контекста развития рассматриваемой области знания от глубинной; осуществлять, в результате всего вышесказанного, адекватное выведение реальных и обоснованных универсалий в исследуемой сфере, а также путей и методов их получения.

Эпистемологический анализ, кроме того, — это еще и наиболее эффективный способ осмысления нелинейной, скачкообразной периодизации становления и развития научного знания, а так же — адекватная методологическая основа преодоления кризисных периодов в развитии определенных научных направлений или корпуса науки в целом.

Применительно к сектору наук о психике, эпистемологический анализ позволяет: идентифицировать основополагающий концептуальный дефицит и слабость методологического оформления исследований, проводимых в данной сфере; выявлять наиболее адекватные способы преодоления несостоятельности эпистемологического и собственно теоретического базиса наук о психике за счет применения обоснованной методологии построения профильной исследовательской деятельности.

В отношении профессиональной психотерапии — с учетом особой сложности и неоднозначности принципов формирования предметной сферы данного научно-практического направления — углубленный эпистемологический анализ, является пока что единственным способом сущностного решения возникающих здесь собственно эпистемологических, идентификационных, методологических, а вслед за этим и технологических проблем (А. Л. Катков, 2020).

Один из главных принципов, на котором основана сложная методология эпистемологического анализа, заключается в необходимости предварительной разработки некоего теоретического эталона, с использованием которого собственно и возможно полноценное изучение эпистемологической структуры концепций и концептов исследуемой научной дисциплины, либо кластера сопредельных дисциплин. В противном случае исследователь рискует попасть в эпистемологический тупик, когда воспроизводится лишь его собственная, либо заимствованная установочная мета-позиция в отношении исследуемых теоретических конструктов. Или же — в эпистемологическую ловушку, когда в отсутствие системной организации и каких-либо обоснованных приоритетов в исследуемой области знания воспроизводится лишь ситуация «заезженной пластинки» неприемлемого эпистемологического хаоса. И здесь же, нужно сказать, что оба этих варианта и особенно последний, как нельзя лучше характеризуют эпистемологические реалии в секторе наук о психике.

Между тем, наличие адекватного, по отношению к сфере наук о психике, эпистемологического эталона — с одной стороны,

и собственно дисциплинарного гипотетического кластера, проработанного с использованием модифицированного эпистемологического эталона — с другой стороны, как раз и позволяют избегать тупиковых ситуации бесконечного «хождения по замкнутому эпистемологическому кругу», делать конкретные шаги в разработке адекватных исследовательских программ и, конечно, в развитии исследуемой научной дисциплины.

Соответственно, ключевой особенностью разработанной нами методологии эпистемологического анализа является именно то важное обстоятельство, что в качестве подобного эталона здесь используется концепция информационной генетики (первый уровень дисциплинарной матрицы ОТП) с несущей конструкцией принципиально новых типов рациональности. То есть, именно тех типов рациональности, которые представлены в новой модели адаптивного интеллекта. В этом случае у нас и появляются «простота, ясность и единство» в отношении предметной сферы психического.

Эвристические следствия в сфере религии

Общая вводная информация

Вопрос эвристики новой модели адаптивного интеллекта в сфере функциональной активности религиозных институтов, конечно же, требует всей возможной деликатности, с которой мы и будем рассматривать эту безусловно сложную и перспективную тему.

Стержнем такой функциональной активности, как и в случае института науки, здесь следует считать «производство» ресурсных идиом, координирующих и поддерживающих человека и общества в непростых — во все и, особенно, в переживаемые нами времена — условиях жизнедеятельности.

И здесь, важно понимать, что предметом нашего внимания являются не столько религиозные установления (они, разумеется, остаются в неприкосновенности), сколько сама возможность полноценного сотрудничества институтов религии и науки, открывающаяся с использованием новых типов рациональности АИ.

Тема конструктивного взаимодействия основополагающих социальных институтов науки и религии возникла не сегодня — при желании, такого рода аллюзии можно обнаружить еще в трудах Аристотеля, а святой Фома Аквинский прямо говорил о необходимости богодуховной науки, в которой человеку «благодаря божественному откровению стало известно такое, что превосходит человеческий разум» (Фома Аквинский, цит. по изд. 2013). О необходимости именно такой науки говорил и почти забытый русский философ Памфил Данилович Чертанов в середине XIX века, отмечая в частности следующее: «Уже одно то бросается в глаза, что наука о человеческом духе большею частью брала изъясняющие начала или методы из других наук... без сомнения, это происходило оттого, что предмет этой науки принадлежит человеческому наблюдению не в такой удобной и доступной форме, как предметы мира физического» (Ю. П. Юркевич, цит. по изд. 2015). Здесь же уместно вспомнить и о научных взглядах выдающегося немецкого философа и историка Вильгельма Дильтея, которые, по сути, являлись первыми аргументированными, отчетливыми и весьма резонансным заявлениями об ограниченности естественно-научного подхода и принципиальной несводимости к такому подходу сущностных, многомерных представлений о реальности, а так же — о месте человека в этой реальности. Именно такая позиция была представлена им в знаменитом манифесте с говорящим названием «Введение в науки о духе», впервые изданном в 1883 году.

С несколько иного ракурса возможность научного исследования предметности, традиционно относимой к компетенции религиозных институтов, рассматривали выдающийся ученый-историк Арнольд Джозеф Тойнби. В своем эпохальном труде «Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций», все двенадцать томов которого были опубликованы в середине XIX века, Тойнби — при заявляемой им приверженностью к естественно-научному подходу — в предметную сферу своего исследования выводит феномен веры в своем вдохновенном (в смысле проявлений особого состояния «присутствия духа») значении и выводимых отсюда трансцендентных смыслов бытия исследуемой им общности людей.

По этому же пути продвигался и Карл Ясперс — блестящий ученый, философ, историк и врач, опубликовавший свой главный исторический труд «Смысл и назначение истории» так же в середине XIX века. На страницах этого выдающегося произведения, Ясперс показывает сложную динамику эпохального конфликта *гнозиса* и *логоса* в таких, например, сентенциях, относимых к периоду старта эпохи «осевого» времени: «Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа... Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, в последствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания». А в заключительной части своего труда Ясперс прямо указывает на темпоральную сущность рассматриваемой им предметности выражается еще более ясно: «Мы выходим за границы истории в сферу вневременной значимости истины, не зависящей от истории... в устойчиво существующем находит покой только наш рассудок, не мы сами. Однако тот факт, что эта значимость есть независимая и освобожденная от истории, в свою очередь указывает на вневременность» (К. Ясперс, цит. по изд. 1991).

И конечно, для нас безусловно интересны и значимы «острые» тематические высказывания известного английского философа и экспериментатора в области измененных состояний сознания, но также и писателя Олдоса Хаксли. О принципиальной возможности неконфликтного со-существования и сотрудничества институтов науки и религии в своем знаменитом произведении «Вечная философия» Хаксли говорил так: «Естественные науки несут эмпирический характер, но они не ограничивают себя опытом человеческих существ, находящихся в обычных для человека, естественных условиях. Почему создатели эмпирической теологии считают своим долгом подчиняться подобным ограничениям (т. е. рассматривать реальность только лишь в «стандартных» параметрах сознания-времени — авт.) — одному богу известно».

То есть, в этом своем, по меньшей мере знаковым высказывании Хаксли почти прямым текстом говорит нам о том, что теологи, как бы это странно не звучало, являются еще большими «материалистами» — в наихудшем, ограничительном смысле этого слова — чем даже представители корпуса легализованной науки. При том, что последние, безусловно, «ослеплены» своими ограничительными мировоззренческими установками и точно так же не могут воспользоваться преимуществами более гибкой исследовательской методологии. Что, по мнению Хаксли, наиболее точно характеризует сложившуюся здесь тупиковую ситуацию.

И далее, он продолжает: «И конечно же, до тех пор, пока они (т. е. создатели теологии — авт.) будут ограничиваться эмпирическим сведениями, сводящимися все к той же области человеческого опыта, он и будут обречены на осмеяние лучших своих стремлений» (О. Хаксли, цит. по изд. 2010).

Тут бы следовало добавить, что вот эти «взрывы хохота» чаще всего слышны из так называемого естественно-научного «партера» общего храма науки. Из другого, не столь жестко регламентированного пространства этого же храма, так же, время от времени раздаются «смешки» по поводу откровенной слабости доказательной базы гностических тезисов. Но и способ получения от этой взыскательной аудитории не менее бурных аплодисментов, подсказанный Олдосом Хаксли, так же совершенно понятен — должно родиться новое научное направление, свободное, как от одних, так и от других ограничений. А нашем случае, такого рода ограничения как раз и преодолеваются системой принципиально новых типов рациональности.

Далее, можно вспомнить и достойных представителей современной философии, активно исследующих возможности совмещения религиозного и научного мировоззрения философии (например, В. М. Розин 2007; А. П. Щеглов, 2008, Д. Б. Харт, 2019); выдающихся ученых-богословов, действующих в том же направлении (например, А. Пикок, 2004; Д.Х. Брук, 2004); и даже представителей, выдвигающих подобные идеи от сектора нейронаук (Э. Ньютон, Ю. д'Аквиди, Р. Винс. 2013; М. Альнер, 2014; К. Фрит, 2015; М. Борегар, Д. О'Лири, 2017).

И конечно же, самым явным свидетельством возможности и желательности конструктивного сотрудничества институтов науки и религии для нас является факт того, что решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации в качестве научных специальностей к настоящему времени утверждены «Теология», «Философия и история религии», «Философия религии и религиоведение».

Но здесь, мы хотели бы подчеркнуть тот факт, что вопрос сущностного, конструктивного и активного взаимодействия институтов науки и религии уже не риторический; а проблема нарастающего кризиса веры — как основного функционального концепта института религии — это отнюдь не «фигура речи». И далее, мы хотя-бы кратко рассмотрим аргументы в пользу такого, ко многому обязывающего утверждения

Признаки кризиса ресурсного статуса института религии и способы его преодоления

Проведенный нами углубленный эпистемологический анализ механизмов конфликта между базисными способами познания сложной категории реальности (мыслительных архетипов *гнозиса* и *логоса*, и фундаментальными допущений, лежащих в их основе) показывает, что в *отсутствии внятной объяснительной модели такого способа познания реальности как гнозис* — доминирующая рациональная система координат современного человека трансформировалась в наиболее мощное оружие ложной очевидности, которым и было атаковано, и практически уничтожено живое чувство сопричастности к суперресурсным статусам сложной категории объемной реальности.

И вместе с тем, то, что предлагается на сегодняшний день рациональной доминантой, выстроенной в духе диссоциированной эпистемологической платформы, только лишь ввергает современного человека в состояние экзистенциальной тревоги, неопределённости, страха смерти и страха жизни, как квинтэссенции всей «панорамы страхов», отравляющих бытие современного человека. Мы не получаем ответа на главный вопрос — каковы экзистенциальные перспективы живущих ныне людей. Чувство безысходности и утраты несущих, ресурсных смыслов в данной ситуации буквально «заталкивают» существенную часть населения в опасные водовороты религиозного экстрима, сектантского фанатизма, иллюзорного наркотического рая. Либо — как вполне легальный и социально одобряемый вариант — в широко раскрытые объятия официально действующих религиозных конфессий. Однако, вопрос, является ли этот последний, компромиссный вариант движения «вспять» адекватным выходом из экзистенциального тупика, остаётся открытым.

Ибо есть многочисленные и убедительные свидетельства того, что рецепты, выстроенные в духе: «назад, к Богу», оборачиваются для рационально образованного человека — для которого такого рода рецептура является, скорее, навязанным, а не естественным «продуктом» его жизненной истории — ещё одним экзистенциальным тупиком. Призванная выполнять функции ресурсного доступа, иррациональная система координат в лице действующих религиозных конфессий постоянно апеллирует к чудесам давно минувших дней, но не даёт никаких убедительных свидетельств действительного присутствия интересующих нас инстанций, творящих чудеса, в настоящем. Поэтому-то в «хит-параде» ресурсных доступов вот уже более двух тысячелетий лидирует знаменитый рефрен: «А я дам вам то, чего не видит глаз, и то, что не слышит ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека». Однако такое положение дел всё менее устраивает искушенного, во всём требующего доказательств современного человека. В данной ситуации феномен веры (как рудимента подлинного *гнозиса*), практика молитвы (как основной психотехники ресурсного доступа) весьма часто вырождаются в процедуру оформления кредита доверия к тому, или иному конфессиональному адепту и ничего не значащего ритуала, как свидетельства принадлежности к избранной «команде».

И далее, терапевтический потенциал религиозного мировоззрения в отношении базисных экзистенциальных страхов жизни и смерти, при ближайшем рассмотрении, вызывает много вопросов. Идея личного бессмертия — наиболее привлекательный идеологический стержень данного мировоззрения — представлена здесь смутно, неопределённо, бездоказательно. В частности утверждается, что бессмертной является душа человека, но не он сам (т. е. не его осознаваемая личность). Но что же тогда есть душа, обладает ли она памятью о прошлой жизни? А если нет, то какой смысл её бессмертия? И если, все же, бессмертна не только лишенная памяти душа, но и вполне персонифицированная психическая сущность человека, то каким образом вечность, где будто бы пребывают эти инстанции после «великого перехода», соотносится с пространством-временем, в котором обитают смертные люди? Каковы вообще кардинальные отличия «того» от «этого» света? И в чем смысл пребывания информационной сущности человека в полюсе вечности? Все эти важнейшие вопросы в многочисленных религиозных дискурсах остаются без понятных для современного человека ответов. При том, что в общем корпусе науки такие вопросы даже и не ставятся по причине — как там считают — отсутствия соответствующего предмета для наблюдения, измерения и исследования.

И вот, современный человек оказывается у разбитого корыта расщеплённого и уплощённого мира, когда понятно, что нужно возвращаться к прерванному диалогу с непроявленными суперресурсными инстанциями сложной категории объемной

реальности. Однако, даже и осторожные попытки возобновления такого рода диалога оформляются в абсолютно неприемлемых вариантах — или на условиях принятия догмата слепой веры, либо на языке научных дискурсов элементаристского толка, — т. е. на том же самом языке «профессиональных киллеров», с помощью которого homo rationalis почти до основания разрушил первичную ресурсную целостность мироздания (здесь, безусловно уместна метафора утраченного рая).

Вместе с тем, мы констатируем факт того, что актуальная задача по разработке принципиально новых научных подходов и типов рациональности, эффективно преодолевающих ограничения диссоциированной эпистемологической платформы и, таким образом, «исцеляющих» расплывающуюся систему ресурсных координат, в существенной степени решается именно за счет разработки фундаментальных и прикладных аспектов ОТП, к коим безусловно относится и рассматриваемая здесь обновленная концепция адаптивного интеллекта. И разумеется, данная конструкция АИ — это не какой-то фантомный «мостик», лишенный любого намека на интеллект, а напротив именно такая, прочная и в то же время упругая и гибкая, интеллектуальная конструкция веры-знания, с которой уже ничего, кроме ее дальнейшего обогащения и развития, случиться не может.

Вот этот новый язык конструктивного общения и взаимодействия носителей пока что рудиментарного *гнозиса* (институт религии) и ограниченного *логоса* (институт науки) оставляет шансы на формирование обновленных ресурсных смыслов для современного человека. А продуманное, предельно деликатное использование предлагаемой здесь обновленной «информационной генетики» в перспективе способно сформировать и некую общую, проработанную гипотетическую платформу и соответствующую научную программу встречной исследовательской активности упомянутых социальных институтов. Следует ожидать, что в данном контексте обсуждаемый здесь архетипический конфликт, так же, как и проявления любой религиозной розни, вначале потеряют свою актуальность, а затем и вовсе растворятся в открываемых здесь новых перспективах.

В метафорическом смысле эта новая «информационная генетика» реальности — есть полная книга бытия, со всеми его планами, а не только с первой и последней страницами, как это имеет место в ситуации переживаемого экзистенциального (и эпистемологического) разрыва. В мифологическом аспекте — это еще и возможность оптимистического завершения двух великих притч об изгнании человека из рая и грядущем конце света.

Ибо в ключе всего сказанного, конец света действительно неминуем, но это будет грандиозный эсхатологический финал как «этого», так и «того» света с возможностью потрясающего расширения горизонтов бытия современного человека, а значит, и обретения нового, гораздо более яркого и согревающего источника жизненной энергии и смыслов для всего человечества. И несмотря на то, что прежние ключи от искомого рая ресурсной целостности безвозвратно утеряны (такова была цена обретенной идентичности и «взросления» человека), другие, более подходящие для Новейшего времени ключи, уже найдены и представлены в понятном узоре обновленной рациональности АИ.

А значит, институту религии, решившемуся на открытое и конструктивное взаимодействие с авангардным фронтом науки, уже сейчас есть что сказать легиону страждущих о новом, привлекательном свете вот этих извечных, спасительных маяков: «Надежды», «Веры» и «Люви».

Эвристические следствия в сфере этики

В обновленной концепции адаптивного интеллекта идее научной этики и, соответственно, перспективе масштабной институализации эвристических следствий новой модели АИ в сфере этики, безусловно, придается наиболее приоритетное значение.

И здесь же, необходимо сказать о том, что идея научной этики базируется на содержании двух предыдущих подразделов настоящего материала, в свете чего вопрос о подлинных этических императивах выводится из «серой» зоны неопределенности, домыслов или откровенных спекуляций в полюс «простоты, ясности и единства».

В формате настоящей статьи мы, с необходимостью, сокращаем обсуждение собственно эпистемологической проблематики концепции научной этики. И все же, фрагменты эпистемологического анализа, представленные далее, дают нам возможность соприкосновения с предметной сферой научной этики, а также — к перспективе использования этого сложного узора в обновленных параметрах социального (а в данном случае, и этического) порядка.

Эпистемологический анализ (фрагменты) этические универсалий, приведенных в некоторых религиозных и философских источниках

Первая из таких этических универсалий, часто цитируемая в религиозных текстах, в частности, в гностических первоисточниках будущих мировых религий, касается выстраивания отношения к своим ближним. Но не так все просто. Этические заповеди в отношении человеческих отношений, обычно, соседствуют с предписаниями в отношениях человека и Бога. Так, например, в тексте Нового Завета о таких заповедях говорится следующее: «Иисус сказал ему: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Евангелие от Матфея 22.37-40). Здесь, помимо самого порядка следования заповедей, стоит обратить внимание на характер чувствования человеком Бога — сердцем, душой, разумом, — а в тексте Евангелия от Марка (данная версия считается наиболее древней и близкой к первоисточнику) к данному перечню добавляется еще и «всею крепостию твоею». Тогда, что же это за особое чувство, ясно демонстрирующее неразделенность человека и Бога, но также и неразделенность людей? Возможно ли, что вот это наполнение божественной любовью и есть вполне закономерный результат первичного гностического опыта переживания единства всего сущего в отсутствии стандартного темпорального разграничения на объекты, субъекты и прочие атрибуты «объективной» реальности? Все вышеприведенные особенности построения и содержания процитированного текста, на наш взгляд, только лишь подтверждают такое предположение.

Далее, обратимся к тем, наиболее известным фрагментам Первого послания Апостола Павла к Коринфянам, в которых, по общему мнению, речь идет о чувстве любви, как таковом и как нравственном императиве христианства; но также и к другим фрагментам этого примечательного документа, проясняющим важнейший смысловой контекст часто цитируемых пассажей

тринадцатой главы Послания. Так, еще в первой главе анализируемого текста Павел ясно говорит о том, что божественные смыслы (мудрость) коренным образом отличаются от человеческих смыслов бытия: «...немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (Апостол Павел, Первое послание к Коринфянам). И здесь же он указывает, что вот эта божественная мудрость может быть доведена до неискушенного человека лишь посредством совершенно особенного обращения: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоудно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (термин «юродство» здесь надо понимать как разрыв шаблона обыденных смыслов, сродни безумию; то, что мы проповедуем — говорит Павел — для эллинов безумие). А во второй главе Послания Павел раскрывает суть вот этого особого обращения, за счет которого он и апостолы проповедуют «премудрость Божию, тайную, сокровенную». Здесь он говорит так: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы». И далее, необходимые для божественной проповеди явления духа и силы Павел трактует как совершенно особый Божий Дар, который в свое время получили апостолы: «А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии». Такого рода Божий Дар — это нечто, невидное и неслышное в обыденном состоянии, но только лишь в особом состоянии, которое Павел как раз и обозначает как любовь к Богу, этот Дар может снисходить к человеку: «Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (здесь Павел ссылается на прямую речь Иисуса Христа, приведенную в гностическом Евангелие от Фомы: «Иисус сказал: Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека»). В этом, особом состоянии любви к Богу — согласно тексту двенадцатой главы Послания — переживается не только единение с Богом, но и единство людей, объединяемых этим мощным посылом: «И вы — тело Христово, а порознь — члены.... Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены... дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге». То есть, и в тезисах Послания Павла, первичный гностический опыт переживания единства всего сущего (такой опыт, разумеется, интерпретируется, как религиозный опыт соприкосновения с сущностью Единого Бога) предшествует нравственному императиву в отношениях между людьми. В последнем пассаже рассматриваемой главы Павел прямо призывает к тому, чтобы читатели его Послания, жители Коринфа страстно возжелали Божественных Даров и прямо говорит о том, что ему-то и ведом путь обретения таких Даров: «Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший».

В контексте чего и следует понимать знаменитые сентенции о любви, прописанные в тринадцатой главе Послания. Речь здесь идет, прежде всего, о способах обретения Божественных Даров, которые перечислены и описаны Павлом с потрясающей силой поэтического таланта, но также и с указанием степени их состоятельности в отношении достижения желаемой цели: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». И вместе с тем, еще один, не столь явно прописанный и не обрамленный в яркую, чувственную окраску, способ обретения заветного Дара здесь также присутствует: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое... Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.... Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем... Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится». В свете всего сказанного, логичным выглядит предположение, что речь в данном случае идет о дифференцированном гностическом опыте постижения реальности.

Подобная точка зрения согласуется и с мнением известного, в области гностической философии и гностической религии, специалиста Тобиаса Чертона (2008). Но главным здесь, все же, будет свидетельство самого Павла, который в первой же фразе следующей четырнадцатой главы взывает: «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать». То есть, самый главный, пророческий Дар, безусловно связанный с темпоральной пластикой психического (или гностическим способом познания реальности) ассоциируется у Павла с экстатическим состоянием Божественной Любви. Но вопрос в том, является ли такое экстатическое состояние причиной, или же это неизбежное следствие переживаемого гностического опыта. Вопрос этот — весьма сложный, интересный и важный. И если в сфере религиозной традиции этот вопрос обычно решается в пользу первого варианта, то в поле так называемых духовных практик решение, как правило, выносится в пользу второго варианта. И конечно, еще более интересными представляются ответы на данный вопрос, выстроенные в русле обновленной эпистемологической платформы и общей теории психотерапии, включающей обновленную концепцию АИ.

Еще один известный текст, имеющий непосредственное отношение к глубинному пониманию религиозных этических принципов и сравнимый по силе воздействия используемых здесь поэтических образов с Посланиями Апостола Павла, принадлежит перу Джона Донна, настоятелю собора Святого Павла в Лондоне. И конечно, образованным людям, по большей части, известна впечатляющая выдержка из его основного произведения «Обращение к Господу в час нужды и бедствий». В наиболее полной версии вот этот, часто цитируемый фрагмент выглядит следующим образом: « Кто не поднимет взор к солнцу, когда оно восходит? Но сможет ли кто оторвать взгляд от кометы, когда она вспыхивает в небесах? Кто не прислушивается к звону колокола, о чем бы тот не звонил? Но кто сможет остаться глух к колокольному звону, когда тот оплакивает уход из мира частицы нас самих? Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий — часть континента; и если море смоев утес, не станет ли меньше вся Европа: меньше — на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом. Смерть каждого человека умяляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А посему, не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе» (Джон Донн, цит. по изд. 2012).

Но еще до этого пронзительного фрагмента Джон Донн использует метафору колокольного звона, как некоего особого языка или опыта, испытав который человек необратимо меняется. В том же самом разделе Обращения (Медитация XVII) Донн говорит: «Все человечество — создание одного автора, оно есть единый том, и со смертью каждого из нас не вырывают из книги соответствующую главу, но переводят ее на другой язык; и перевод этот лучше оригинала; так каждой главе суждено быть переведенной в свой черед; у Бога в услужении множество переводчиков... но на каждом переводе лежит рука Господа; и она сплетает вместе разрозненные листья для той Библиотеки, где каждая книга раскрыта навстречу другой: и подобно тому, как колокол, звонящий к началу службы, зовет не только священников но и паству, этот колокол зовет всех нас». То есть, и в этом, потрясающем откровении Джона Донна — прежде ставится переживание единения с сущностью Бога, а затем уже и выводимые

отсюда, этические принципы взаимодействия людей.

Продемонстрированная в вышеприведенных аналитических фрагментах тесная взаимосвязь феноменов темпоральной пластики психического, интерпретируемых как религиозный (гностический, мистический, магический, трансперсональный) опыт, и выводимых отсюда этических принципов взаимодействия в социуме подтверждаются и другими авторитетными исследователями. Так, например, этическая миссия религиозных течений в продолжении всего отслеживаемого периода становления института религии, как такового, постулировалась в многочисленных трудах, видимо, наиболее известного специалиста в области истории религий Мирча Элиаде. Имея в виду, что первичный религиозный опыт, лежащий в основе какого-либо религиозного движения и переживаемый его пророками, этими же пророками и их последователями трансформируется в миф, Элиаде ясно говорит о том, что такого рода миф «всегда является образцом не только для человеческих действий, но и по отношению к человеческому делу» (М. Элиаде, цит по изд. 2018). Здесь он цитирует простейшую и действенную во все времена максиму: «Так поступали боги, а теперь так поступают люди» (Тайттирия-брахмана, 1, 5, 9, 4).

И далее, Элиаде делится весьма ценным наблюдением того, что: «Обширная группа мифологических преданий повествует о «братстве» богов и демонов, о «дружбе» или «единокровии» героев и их антагонистов... восстановлении целостности, реинтеграции». То есть, такого рода мифические, «божественные» примеры это и есть способ воплощения этических принципов стремления к диалогу и достижению достойного компромисса между противоборствующими субъектами и сторонами. Другой известный специалист в области исследования мировых религий Стивен Протеро говорит о том, что такие, наиболее мощные религиозные течения — в своей первооснове — есть способ восстановления нарушенного, в чем-то важном поврежденного социального порядка (С. Протеро, 2019). И в первую очередь, речь здесь идет о «повреждении» этической первоосновы бытия человека. Следуя такой логике, можно с уверенностью говорить о том, что гуманистическое крыло мировых религиозных конфессий выполняют функцию востребованной и масштабной социальной психотерапии.

Следом, мы обратим внимание лишь на ключевые этические тезисы в работах Иммануила Канта и Вильгельма Вундта которые, как нам представляется, имеют непосредственное отношение к эпистемологическим установкам авангардной науки, в частности — к типам рациональности, представленным в новой модели AI.

Проведенный нами эпистемологический анализ гланных трудов Иммануила Канта, показал, что этот выдающийся мыслитель, намного опережая свое время, предписывал функцию генерации феномена сознания — из которой, собственно, и выводится процесс конструирования «объективной реальности» — душе или, как мы бы сейчас сказали, внесознательным инстанциям психического. В своих эпохальных трудах «Критика практического разума» (1788), «Критика способности к суждению» (1790) Кант говорит о том, что познание психического может осуществляться не только эмпирическим (опытным) путем и представлять, таким образом, обособленный раздел прагматической антропологии, но также этот познавательный процесс может выступать и в виде некоего аналога естествознания, и в смысле использования метода самонаблюдения, и научной интерпретации информации о феномене «внутреннего чувства», феномене «Я». Следовательно — и это очень важная констатация в процитированных трудах Канта — познание психического может представлять собой раздел трансцендентальной философии, исследующей фундаментальные и прикладные познавательные способности человека, в частности — способности конструировать условия опыта до появления самого опыта. То есть, нам здесь говорят о возможности выведения не только «умозрительных», но и научных этических принципов. И конечно, — это должна быть и новая наука, и новая философия

По сути же, в процитированных фрагментах речь идет о некоем сверхсложном моделировании функций психического и выводимых отсюда характеристик генеративных характеристик реальности. Что во времена Канта возможно и воспринималось как некое «умозрительное» допущение, мимо которого проходили все, без исключения, последователи и критики Канта. Однако, в эпоху Новейшего времени и, тем более, в период становления авангардной науки необходимое отдать должное вот этому потрясающему интеллектуальному прорыву в будущее, столь блестяще оформленному Кантом.

И далее, необходимо еще раз внимательно присмотреться к наиболее часто цитируемому пассажиру из произведения «Критики практического разума», который, по общему мнению, является квинтэссенцией этического учения Канта. И в связи с беспрецедентной значимостью излагаемых здесь тезисов, мы приводим данный фрагмент полностью: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее размышляю о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моей невидимой самости (Selbst), с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во *всеобщей и необходимой связи*. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того, как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как интеллигенции через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразности назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни, но идет в бесконечное» (И. Кант, цит по изд. 2016).

Мы бы сказали, что в данном фрагменте Кант в первую очередь говорит о выборе мета-позиции бытия-в-мире, стоящим перед каждым человеком, — или в пользу узкого сектора так называемой «объективной реальности», где субъект с его ограниченным периодом жизни теряется в линейно понимаемом пространстве и времени; либо, выбор делается в пользу сущностного концепта объемной реальности, где человек является «равноправной» стороной творимых планов реальности, со-творцом грандиозного темпорального кругооборота этих планов, включая и полюс вечного-бесконечного. И уже одно то, как часто

здесь Кант употребляет термин «бесконечность» и связывает именно эту характеристику категории объемной реальности с осознанием *всеобщей и необходимой связи* человека с миром, «звездного неба» с «моральным законом» убеждает нас в том, что Кант прозревал и идею темпоральной пластики психического, с использованием которой и появляется возможность развития той самой Новой науки, о которой он говорил с уверенностью и вдохновением.

В данной связи, нам крайне важно проиллюстрировать и факт того, что Кант не ограничился только лишь констатацией вот этого важнейшего теоретического тезиса, но продолжил свою мысль уже в практической плоскости развиваемой им идеи. Далее, он говорит так: «Но удивление и уважение хотя и могут побуждать к изысканиям, но не могут их заменить. Что же нужно сделать, чтобы провести эти изыскания полезным и соответствующим возвышенности предмета образом? Примеры здесь могут послужить для предостережения, но также и для подражания. Рассмотрение мира начиналось с превосходнейшего взгляда, который всегда показывал лишь человеческие чувства, а наш рассудок всегда стремился проследить его во всей широте, и оканчивалось — астрологией. Мораль начиналась с благороднейшего свойства в человеческой природе, развитие и культура которого направлены на бесконечную пользу, и оканчивалось — мечтательностью и суеверием. Так обстоит дело со всеми еще грубыми попытками, в которых большая часть работы зависит от применения разума, что не дается само собой, не так, как пользоваться ногами посредством частого упражнения, *в особенности в том случае, которые не могут быть показаны в обыденном опыте*. Но после того как была, хотя и поздно, пущена в ход максима — заранее хорошенько обдумать все шаги, которые разум намерен сделать, и делать их заранее хорошо продуманным методом». Только в этом случае — полагает Кант — и можно рассчитывать на формирование ясного и в своих основах неизменного взгляда на будущее, «который, как можно надеяться, при дальнейшем наблюдении всегда будет развиваться, но никогда — этого бояться не надо — не будет деградировать».

То есть, вот в этом, теперь уже прагматическом фрагменте своего знаменитого текста Кант во-первых предостерегает от упрощенного, понимания принципов исследования и обращения со сложными конструкциями психического, к коим, конечно, относится и «информационная генетика» морали. И в этом смысле он солидаризуется с великим Аристотелем, который в своем трактате «О душе» упоминал о важнейшей задаче «найти для каждой грани изучаемого предмета какой-то особый способ. И даже когда станет ясно, что этот способ представляет собой какой-либо путь познания, остается еще много затруднения и возможных ошибок, связанных с правильным определением исследуемой сути, подходящей для этого способа» (Аристотель, цит. по изд. 1975). Но после того, как метод найден — а по логике Канта такой метод предполагает темпоральное моделирование предметности *всеобщей и необходимой связи человека с миром, не проявляемой в обыденном опыте* (то есть, с использованием стандартных параметров сознания-времени) — с этим новым знанием, получаемым с раскрытием адекватных каналов для формирования именно такого, объемного образа реальности, уже ничего «плохого» случится не может. Наоборот, это новое миропонимание и мироощущение может только развиваться, утверждая человека в выборе достойной мета-позиции со-творца грандиозного процесса бытия-в-мире, сторонником которой, по всей видимости, являлся и гениальный мыслитель Иммануил Кант.

Далее, мы остановимся на фундаментальном труде выдающегося немецкого ученого и философа, основателя современной психологической науки Вильгельма Вундта, посвященному истории и философии этики, и впервые изданном в 1886 году. Здесь нас в большей интересует взгляды Вундта на этику как на особое, формирующееся научное направление и тот вклад в эту новую науку — этику, который внес этот выдающийся ученый-исследователь.

В предисловии к первому изданию «Этики» Вунд обозначил свою принципиальную позицию в этом вопросе следующим образом: «Романтические идеи... уступили место зрелому анализу... А из такого расширения кругозора явилось то общее понятие о духовной жизни, которое составляет теперь общее достояние всех наук о духе, и впервые было выражено в философском идеализме, явившемся после Канта» (В. Вундт, цит. по изд. 2011). В этом безусловно знаковом фрагменте Вунд ясно говорит о том, что от эмпирической стадии накопления фактов и элементарного анализа наука — этика переходит в следующую, теоретическую стадию своего развития. И такой переход только и оказался возможен с появлением общих понятий о духовной жизни. Здесь он отдает должное Иммануилу Канту, который ясно осознал, сформулировал и обосновал вот это, наиболее общее свойство психического — генерировать объектный план реальности, но также и «намекать» субъекту на возможность иного фокуса в понимании того, что есть сложная категория реальности (откуда, собственно, и выводятся известные этические императивы Канта), не явленного в обыденном опыте, но все же доступного для адекватного научного исследования. И как большой ученый, Вундт, безусловно, понимал всю важность поиска и нахождения именно такой исследовательской методологии, которая, в итоге, и образует прочный эпистемологический фундамент новой этики. О сложности этого поискового процесса Вундт, в частности, говорит следующее: «Она (Новая философия и этика — авт.) должна будет многое изменить в общих взглядах, все переделать в единичных разработках, но все же ее задача будет состоять в том, чтобы, руководствуясь отдельными науками, а потом, в свою очередь, руководя ими, закончить работу, которая была начата уже раньше, но с недостаточными средствами и по ошибочным методам».

Двигаясь по этому сложному пути поиска способов научного обоснования этических принципов Вильгельм Вунд, со свойственной ему основательностью, методологической оснащенностью и знанием предмета — с одной стороны, и научной интуицией — с другой стороны, в первую очередь сформулировал главные проблемные вопросы, которые предстояло решить в ходе предпринятого им исследования. Здесь он пишет следующее: «Так как нравственные представления... изменяются с переменой условий окружающей природы и культурного влияния, то действительно весьма легко возбуждается сомнение: представляет-ли собой нравственная жизнь связанное целое и не распадается-ли она скорее на различные, отчасти даже расходящиеся явления? Не изменятся-ли доброе и злое, добродетель и порок настолько значительно в понятии человека, что эти представления имеют приблизительно сходное содержание лишь в известной ограниченный период времени и в известной ограниченной жизненной сфере? Не уклоняются-ли они совершенно друг от друга вне этого периода и вне этой сферы; мало того, не становятся-ли они в некоторой противоположности по отношению друг к другу?» (В. Вундт, цит. по изд. 2011).

Вот об этой важнейшей, с одной стороны научно-обоснованной, а с другой стороны — компромиссной позиции Вундт высказывается следующим образом: «В противовес этой колеблющейся природе нравственных представлений, в общем сознании напрашивается настоятельный вопрос, существуют ли вообще познаваемые всеми элементы нравственного, или, может быть,

единственный общий его признак ограничивается лишь тем, что повсюду какие-либо известные поступки одобряются, а другие не одобряются... Этот вопрос особенно важен потому, что научное исследование нравственных норм, конечно, должно исходить из *всеобщих* элементов нравственных представлений, насколько они вообще существуют».

Самое краткое, тезисное изложение ответов на все перечисленные вопросы, полное содержание которых обстоятельно и аргументировано прописано в цитируемом труде Вундта, следующее.

Эпистемологической predisposцией ко всем последующим тезисам можно считать, во-первых, констатацию Вундтом того обстоятельства, что сама по себе идея этики должна демонстрировать способность к длительному развитию, при том, что такое развитие никак не затрагивает глубинного, концептуального ядра этой идеи (вспоминаем структуру фундаментальной научной программы Имре Лакатоса). А во-вторых, и это особенно важно, здесь должна быть представлена и всемерно обоснована беспрецедентная, неограниченная по времени, т. е. *абсолютная* продолжительность этой этической идеи. И здесь Вунд совершенно определенно говорит о том, что такого рода характеристики присутствуют в религиозных представлениях о Боге, бессмертии, вечном воздаянии за праведную жизнь и проч. Импульсы одобрения или неодобрения различным формам проявления жизненной активности человека, в итоге, исходят из этого, вне-временного ядра. И столь же определенно Вунд говорит о некоем единстве этого, совершенно особенного вне-временного статуса и собственной природы нравственного.

На данной основе Вундтом выстраивается и следующий компонент этической идеи: унифицированное содержание нравственности, не предполагающее никаких специальных внешних условий, представлено также и психологическими элементами, характеризующими «везде одинаковую природу самого человека». И вот этот важнейший тезис, как мы убедимся чуть позже, в части раскрытия содержания некоторых из таких характеристик функциональной активности психического, также напрямую соотносится с вышеприведенными эпистемологическими установками.

В то же время, сам Вунд считает, что такими ключевыми психологическими элементами, реализуемыми с одной стороны в сфере религиозных представлений, а с другой — в общественной жизни, являются основные психологические мотивы *трелета* перед некой сверхчеловеческой сущностью и расположения к подобным себе людям. Он полагает, что «оба этих основных стремления вступают в многостороннюю связь и, таким образом, приобретают взаимно подкрепляемое на зависящие от них жизненные установления». И далее, он говорит о том, что «широкая гуманность, которая образует высший пласт общественной жизни, выросла первоначально и преимущественно на религиозной почве». Это весьма важное замечание, поскольку обращает наше внимание на феномен и содержание переживаемого религиозного опыта, который, собственно, и лежит в основе этической части религиозных доктрин, и далее — в основании выводимых отсюда гуманитарных общественных уложений.

Еще одним «краеугольным камнем» формирующейся этической науки Вундт считал наличие закона нравственного развития, который формулируется им следующим образом: «Развитие нравственных представлений... распадается на три стадии. Начало нравственной жизни (или первая стадия — авт.) отличается тем, что социальные стремления здесь ограничены, подавлены грубым эгоизмом, и вследствие этого добродетелью считаются здесь внешние преимущества, полезные самому обладателю их и его близким... Далее начинается вторая стадия, на которой соответственно различию религиозных и социальных условий, наступает и различие воззрений на жизнь... и этот период времени может быть охарактеризован, как выделение нравственных понятий. Третья стадия сопровождается изменением религиозных представлений... и возрастающим влиянием философии. Так как оба последних обстоятельства сообщают нравственной жизни ту гуманную тенденцию, которая всегда соответствует зрелой ступени нравственного сознания, то под их влиянием сглаживаются и различие национальных воззрений. Этот закон трех стадий или последовательного выделения... нравственных понятий подтверждается как переменной значения употребляемых терминов, так и историей религиозной и социальной культуры». И здесь Вундт скромно умалчивает о том, что сам он является величайшим исследователем в области этнической психологии (включая культуру, религию, обычаи, мифологию) и автором десяти томной «Психологии народов» — труда, так никем и не превзойденного по объему и качеству представленного здесь фактологического и научного материала. Ну а мы обращаем внимание на существенное обстоятельство того, что как раз на третьей стадии становления и развития нравственных понятий, наряду с религиозной интерпретацией формируется и адекватная философская (т. е. научная) интерпретация этической идеи и что эта философская или научная интерпретация — как и положено науке — носит универсальный, всеобъемлющий характер.

Другой вопрос, можно ли с уверенностью говорить о том, что с появлением даже и трудов Вундта именно такая новая наука этика оказалась способной генерировать адекватные объяснительные модели, полноценно охватывающие в том числе и религиозные этические концепты, либо представляющие им достойную альтернативу. Сам Вундт так не считал, а в отношении будущего развиваемой им этической науки высказывался с пониманием возможной перспективы, но и с осторожной корректностью, присущей этому великому ученому. В частности, в отношении наиболее сложного компонента этической идеи — вне-временного концептуального ядра и вне-временного статуса природы нравственного — он говорил следующее: «Мы не должны... смотреть на бесконечность, как на нечто данное и потому способное быть охваченным нами в непосредственном понятии о ней. Наоборот, мы должны смотреть на нее, как на нечто будущее, как на бесконечную задачу, разрешая которую мы узнаем только ее части». И далее, Вундт предпочитал делать вполне реальные шаги по выстраиванию научной этики, сообразно тем возможностям, которыми располагала наука его времени.

Опираясь на этот последний тезис, исполненный «здорового» научного смысла, Вундт ясно очертил контуры исследовательской активности и обозначил вполне охватываемый предмет науки — этики: «С познанием всех общих элементов и законов нравственной жизни приобретаются предположения, на основании которых наука делает свои исследования нравственных мотивов, целей и норм. Это исследование стремится узнать не только то, в каком виде представляется фактическая нравственная деятельность и ее нормы, но и то, какова она должна быть, чтобы исполнять требования, предъявляемые к жизни нравственного сознания, и насколько возможно дать отчет в основаниях таких требований». При этом, Вунд считал, что исследовать, прежде всего, нужно сложный конгломерат соответствующих установок-представлений-принципов, который он обозначил как «нравственное самочувствие».

Исходя из представленных здесь фрагментов эпистемологического анализа мы можем с уверенностью говорить о том,

что разработанная концепция адаптивного интеллекта формирует адекватную объяснительную модель того, каким именно образом за счет спонтанной актуализации феномена темпоральной пластики формируются этические императивы. То есть, сущностная темпоральная природа этого, в высшей степени сложного феномена теперь становится более понятной и предсказуемой.

Но следом, мы понимаем и то, каким именно образом — за счет вполне осознанного воспроизводства, моделирования и обогащения этого сложнейшего феномена — может быть всемерно укреплена этическая основа обновленных параметров социального порядка. И здесь, конечно, есть множество вопросов, которые, безусловно осторожно и деликатно, нужно будет исследовать и решать в ходе поступательного развития мета-модели социальной психотерапии.

Как бы то ни было, обновленная идея адаптивного интеллекта уже сейчас вносит свой существенный вклад в формирование научной этики. А значит, и в ресурсные идиомы Новейшего времени.

Заключение

На сегодняшний день обновленная идея адаптивного интеллекта, представленная в настоящем материале, выступает в статусе проработанной и аргументированной, в рамках реализации Базисной НИП, концепции с полным набором рабочих гипотез, технологической и инструментальной частью.

Эвристические следствия рассматриваемой концепции, с нашей точки зрения, заслуживают внимания и свидетельствуют о состоятельности представленной здесь идеи АИ.

И вместе с тем, наш материал безусловно имеет статус продолжающегося исследования, научный горизонт которого, как понятно из всего сказанного, достаточно высок. А это, в свою очередь, означает, что оценка достижения среднесрочных и долгосрочных результатов настоящего исследования отодвигается, пусть и в обозримую, но точно не близкую перспективу.

Относительно более краткосрочными целями и, соответственно, индикаторами их достижения здесь могут быть ясные свидетельства состоятельности мета-модели социальной психотерапии, в рамках которой представленная здесь модель адаптивного интеллекта и обретает статус «рабочего инструмента».

В любом случае, представленные материалы являются полем для научной дискуссии.

Подумать есть о чем. Ибо речь идет о — ни много, ни мало — о внятных, осмысленных перспективах формировании человека не только разумного, самоорганизованного и адаптивного, но и, безусловно, этического.

Человека Новейшего времени.

Человека Времени.

Литература

1. Альпер М. Научное объяснение Бога, религиозности и духовности. // М.: 2014. – 448 с.
2. Апостол Павел. Первое послание к коринфянам. // В кн. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.
3. Аристотель. О душе. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 396-451.
4. Башляр Г. Прикладной рационализм // Г. Башляр. Избранное. Т. 1. Научный рационализм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 7-198.
5. Борегар М., О'Лири Д. Научные битвы за душу. Новейшие знания о мозге и вре в Бога. // М.: 2017. – 544 с.
6. Вундт В. Этика: Факты нравственной жизни. Философские системы морали. // М.: 2011. – 456 с.
7. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе // М.: 2000. – С.270-730.
8. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. // М.: 2004. – 419 с.
9. Донн Джон. По ком звонит колокол: Обращение к Господу в час нужды и бедствий; Схватка смерти, или утешения душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела. // М.: 102. – 432 с.
10. Евангелие от Марка, Глава 12: стих 29-31.
11. Евангелие от Матфея, Глава 22: стих 37-40.
12. Евангелие от Фомы. // В кн. Библия Гностиков. – 2010. – с 530-543.
13. Кант И. Критика чистого разума. // С.-Петербург, 1993. – 472 с.
14. Кант И. Критика способности к суждению. – «Искусство», 1994. – 367 с.
15. Кант И. Критика практического разума. // Изд. «Эксмо», 2015. – 528 с.
16. Катков А. Л. Эпистемологический смысл психологического кризиса. // Профессиональная психотерапевтическая газета. – 2020. – № 11. – С. 12-25.
17. Катков А.Л. Гнозис и логос в науках о психике. // Интернет-ресурс <https://innopsycon.kz>. – 2020. – раздел «Публикации» — 44 С.
18. Катков А. Л. Метод эпистемологического анализа в психотерапии. // Антология всемирной психотерапии. Специальный выпуск. Материалы Онлайн прекогресса Девятого всемирного конгресса по психотерапии «Дети. Общество. Будущее – Планета психотерапии» (Москва, 24 июня – 29 июня 2020). – С. 90-147.
19. А. Л. Катков. Концепция психопластичности в психотерапии. // Интернет-ресурс <https://innopsycon.kz>. – 2020. – раздел «Публикации». – 58 с.
20. А. Л. Катков. Качественные характеристики психического здоровья как универсальные мишени современной психотерапии. // Интернет-ресурс <https://innopsycon.kz>. – 2020. – раздел «Публикации». - 44 с.
21. Катков А. Л. Макаров В. В. Стратегия развития профессиональной психотерапии в Российской Федерации 2021-2030. // Интернет-ресурс <https://innopsycon.kz>. – 2020. – раздел «Публикации» — 18 с.
22. Курцвейл Р. Стенограмма интервью с Питером Диамандисом, 2015.
23. Ньурберг Э., д'Аквида Ю., Винс Р. Тайна Бога и наука о мозге. // М.: 2013. – 320 с.

24. Макаров В. В. Стратегия общественного развития социальной психотерапии в России. // Психологическая газета. 01.02.2021.
25. Маск И. Стенограмма встречи с Питером Диамандисом. 2021.
26. Пенроуз Р. Новый ум короля. – М.: URSS, 2011. – 400 с.
27. Пиаже Ж. Психология интеллекта. // СПб.: «Питер». - 2004. - 192 с.
28. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. // М.: Прогресс, 2001. – 308 с.
29. Притц А., Тойфельхарт Х. Психотерапия – наука о субъективном // В кн. Психотерапия: Новая наука о человеке. – М.: Академический проект, 1999. – С. 10-30.
30. Протеро С. Восемь религий, которые правят миром: все об их соперничестве, сходстве и различиях. // Москва: 2019. – 400 с.
31. Розин В. М. Демаркация науки и религии: Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. // М.: 2007. – 168 с.
32. Саган К. Мир полный демонов. Наука – как свеча во тьме. // Пер. с англ. – М.: 2017. – 538 с.
33. Тайттирия упанишада. // В кн. Упанишады. М.: 2003. – 782 с.
34. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост, и распад цивилизаций. // М.: 2012. – 670 с.
35. Фома Аквинский. Сумма теологии: Т. I. Первая часть: Вопросы 1-64. // М.: 2013. – 832 с.
36. Фрейд З. Толкование сновидений. // СПб.: 2012. – 512 с.
37. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. // М.: 2015. – 335 с.
38. Хант М. История психологии. // М.: 2009. – 863 с.
39. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. // М.: 2014. – 320 с.
40. Хаксли О. Вечная философия. // М.: 2010. – 384 с.
41. Харири Ю. Н. Элита станет бессмертной. // Интервью. – 2015.
42. Чертон Т. Гностическая философия от древней Персии до наших дней. // М.: Рипол классик, 2008. – 462 с.
43. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2017. – 208 с.
44. Щеглов А. П. Неведомый Бог: Историко-философское исследование мистических традиций Древнего мира и Средневековья. // СПб.: 2008. – 520 с.
45. Юнг К. Г. Психотерапия и мировоззрение. // В. кн. Юнг К. Г. Практика психотерапии. СПб.: 1998. – С. 89-97.
46. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: 1991. – 527 с.

ON THE NEW MODEL OF ADAPTIVE INTELLOGENCE

Katkov A. L., Doctor of Medical Sciences, Rector of the International Institute of Social Psychotherapy in St. Petersburg (Russia), Vice-President of the PPL.

Resume: The article examines the traditional understanding of the adaptive function of intelligence, substantiated in the works of J. Piaget, G. Coulton and many other authors. Exhaustive ideas about fundamentally new approaches to understanding the adaptive-intellectual function, developed in the context of the general theory of psychotherapy, are given. A short and detailed definition of a new model of adaptive intelligence is given. The heuristic consequences of this model in psychotherapy, in particular in the meta-model of social psychotherapy, in the field of activities of scientific and religious institutions, as well as in the field of scientific ethics are discussed. Conclusions are made about the consistency and prospects of using this model in science and practice.

Key words: adaptation, self-organization, intelligence, social psychotherapy.